475778р

5720

БИБЛІОТЕКА
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ...
Самар. Губ. Зем...

1946 г.

ПУШКИНЪ

и

ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпускъ VII.

Повременное изданіе Коммиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1908.

475778

475778

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ

ЧИТАТЕЛЕМ БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие" порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ" НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского „Записки Института ЛЕНИНА" т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной библиотеки

ЕО 13578 Зак. 50 тир. 50000. Тип. КуАИ

ПУШКИНЪ.

Э
Инв. 6780
5720

БИБЛІОТЕКА
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУ..
С. Губ. Земства.

ИЗЪ СОБРАНІЯ
П. К. СИМОНИ.

891.71.092
П91

ПУШКИНЪ

и

ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпускъ VII.

Повременное изданіе Коммиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Куйбышевская
№ 475778
Обл. Библиотека

С.-Петербургъ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1908.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Августъ 1908 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Альбомъ Директора Царскосельскаго Лицея Е. А. Энгельгардта. Д. Ѳ. Кобеко .... 1— 18

«Зеленая Лампа». П. Е. Щеголева .... 19— 50

Мелочи. 1 (Къ стих. «Герой»); 2 (Зналъ-ли Пушкинъ по-итальянски?); 3 (Пушкинъ и Собаньскій). Ѳ. Е. Корша .... 51— 59

Судьба одного нѣмецкаго перевода «Клеветникамъ Россіи». П. Е. Щеголева .... 60— 64

Еще о пѣснѣ Варлаама. (Поправка къ замѣткѣ г. В. Чернышева). Н. Н. Виноградова.................. 65— 67

Замѣтки о Пушкинѣ: I. Арина Родіоновна и Няня Дубровскаго; II. Изъ отношеній Пушкина и Ѳ. Н. Глинки; III. По поводу отношеній Пушкина къ графинѣ Е. К. Воронцовой (Догадка). Н. О. Лернера...... 68— 78

Къ исторіи русско-польскихъ литературныхъ отношеній. Мицкевичъ и Пушкинъ. (По поводу книги Jósef'a Tretiak'a: «Mickiewicz i Puszkin. Studia i skice»). С. Н. Брайловскаго........................ 79—109

Указатель .... 111—119

Альбомъ директора Царскосельскаго Лицея Е. А. Энгельгардта.

Незабвенный въ исторіи Лицея Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ назначенъ былъ директоромъ 27 января 1816 г. и уволенъ отъ этой должности 23 октября 1823 г.[1]).

Въ теченіе своего почти осьмилѣтняго управленія Лицеемъ, онъ отдалъ на службу родинѣ I, II и III курсы и оставилъ Лицей, когда на старшемъ его классѣ находился IV курсъ[2]).

Сердечно преданный Лицею и любовно относившійся къ своимъ питомцамъ, за которыми онъ внимательно слѣдилъ и по оставленіи ими Лицея, Энгельгардтъ завелъ особый альбомъ, въ надеждѣ, что каждый изъ лицеистовъ впишетъ ему въ эту книгу что-либо на память[3]).

Надежда почтеннаго директора далеко не оправдалась. Общее число воспитанниковъ первыхъ четырехъ курсовъ было 103; въ альбомѣ же нашли себѣ мѣсто за-

---

1) Изъ нѣкоторыхъ напечатанныхъ ниже записей можно заключить, что днемъ прощанія Энгельгардта съ Лицеемъ было 27 ноября 1823 г.

2) Лицей, по первоначальному его уставу, дѣлился на два только класса, по три года въ каждомъ.

3) Альбомъ этотъ подаренъ Императорской Публичной Библіотекѣ внукомъ Энгельгардта, барономъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакеномъ.

писи только 69 лицъ. При этомъ имена двухъ лицъ, Сергѣя Деларю (19) и Дмитрія Козлова (35), не встрѣчаются въ спискахъ выпущенныхъ изъ Лицея; первый умеръ незадолго до выпуска, а второй, вѣроятно, покинулъ Лицей до окончанія курса.

Первый, третій и четвертый курсы представлены въ альбомѣ довольно полно; напротивъ того, изъ 25 воспитанниковъ втораго курса записались только шестеро[1]). Одинъ изъ нихъ, Лангеръ, подписался своимъ школьнымъ прозвищемъ „старикъ" (38), другой, Петръ Яхонтовъ, скрылся подъ прозвищемъ „Pierrot" (67), третій (68) подписался пятью буквами, объяснить которыя я не умѣю.

Записи альбома вообще выражаютъ чувства признательности директору; въ немногихъ только можно подмѣтить кое-какія біографическія черты. Быть можетъ, историкъ столѣтней жизни Лицея воспользуется нѣкоторыми изъ нихъ.

Дмитрій Кобеко.

1.

Николай Анненскій. 25 Августа. 1823.

2.

Вспомните хоть по этой строкѣ Сильверія Брогліо. 1817. 8 Іюня. Лицей.

3.

Вступилъ, узналъ, и полюбилъ. Александръ Бакунинъ. 1817. 8 Іюня. Воспитанникъ Лицея.

---

1) Вслѣдствіе происшедшаго въ 1820 году пожара Лицея выпускъ II курса произведенъ былъ весьма поспѣшно, чѣмъ и объясняется, что многіе изъ членовъ этого курса не успѣли занести своихъ именъ въ альбомъ.

4.

Прощайте, Егоръ Антоновичъ, не забывайте гражданина Гороховца.—Брусилова. 1820. Дек.

5.

Вы покидаете Лицей, Егоръ Антоновичъ, оставляя во мнѣ горестное чувствованіе разлуки; слезы льются изъ глазъ моихъ; пусть же онѣ будутъ слезами любви и вѣчной благодарности. Любящій Васъ всѣмъ сердцемъ В. Бухало.

6.

Судьба разлучаетъ насъ, Егоръ Антоновичъ, но въ сердцѣ моемъ я никогда съ Вами не разстанусь, вѣчно буду помнить Васъ, любить и почитать, и Вы всегда найдете отъ всего сердца и души привязаннаго къ Вамъ М. Бѣлуху. 1823. 27 Ноября.

7.

Николай Баумгартенъ. 1823 года 27 Ноября.

8.

Андрей Бѣлуха. 25 Августа 1823.

9.

Иванъ Баженовъ. 27 Ноября 1823 года.

10.

Егоръ Антоновичъ! Пробѣгая листки эти, вспомните и объ Вольховскомъ. Повѣрьте ему, что онъ всей душею преданъ Вамъ и семейству Вашему, что онъ чувствуетъ,

сколько Вамъ обязанъ, и потому сердечно любитъ и почитаетъ Васъ и всегда будетъ почитать и любить. ($18\frac{8}{VI}17$).

11.

Николай Васьковъ. 1823. Августа 25.

12.

Ежели въ продолженіи моей службы я буду имѣть какіе-нибудь успѣхи, они мнѣ напоминать будутъ, чѣмъ я Вамъ обязанъ за участіе, которое Вы оказывали при моемъ вступленіи. Я надѣюсь, что Вы не будете имѣть случай назвать Александра Воронихина неблагодарнымъ. 1823. Іюня 27-го.

13.

Ce n'est plus bonsoir ou bonne nuit, c'est adieu qu'il faut Vous dire, Егоръ Антоновичъ! Vous savez s'il m'en coûte. Je Vous ai connu et Vous ai aimé. — Puissiez Vous Vous rappeler de moi avec autant de satisfaction que j'éprouverai de jouissance à me retrouver dans le temps que j'ai passé avec Vous et les Vôtres. Gortchakof. 1817.

14.

Si toute séparation quelconque est déjà triste par elle-même, que ne l'est-elle davantage avec des personnes aux quelles on est lié tant par attachement inviolable, que par les sentiments du respect le plus profond et de la plus vive gratitude. Oui, Егоръ Антоновичъ, j'ose Vous assurer que ces paroles sont dictées par un coeur reconnaissant et quand même un dehors froid ne saurait les justifier, veuillez l'attribuer plutôt à un caractère malheureux, qui ne m'a privé que trop souvent de ces aimables soirées où tout le monde venait puiser la joie au sein d'une famille chérie, heureuse et bienfaisante. P. Graevenitz. ce 9 de Juin 1817.

15.

Несчастіе породнило насъ; роковое: прощайте уже близко! Всевышній положилъ, чтобы юные сердца наши были бы въ разлукѣ съ отцемъ-наставникомъ. Предсказаніе сбудется: Лицей потеряетъ свою славу и золотые дни его изчезнутъ вмѣстѣ съ потерею Отца его...... Полное сердце Ваше родилось и чувствовало, Вы успѣли (позвольте сказать рѣшительно), успѣли перелить сіе священное чувство въ наши юныя, трепещущія сердца: негодованіе за неправду отзовется въ душѣ каждаго друга-лицейскаго. Прощайте, директоръ мой: ибо другаго у меня уже не будетъ, простите мои ошибки, которыя столь часто Васъ огорчали и память о моемъ отцѣ-наставникѣ нигдѣ, нигдѣ не оставитъ меня. Геслингъ. 27 Ноября 1823.

16.

Николай Гнѣдичъ. 25 Августа. 1823.

17.

Сергѣй Галаховъ. 25 Августа. 1823 года.

18.

Le jour fatal où Vous nous quittez arrive. Quoique le temps que j'ai eu le bonheur de passer sous Votre conduite, était bien court, mais il a suffi pour vous faire connaître, aimer et chérir. Je me flatte que nous ne nous séparons pas pour toujours et que j'aurai un jour l'occasion de Vous donner des marques de ma reconnaissance; mais en attendant daignez de promettre de ne pas oublier celui qui Vous estimera toute sa vie. Hahn. Le 27 de Novembre. 1823.

19.

Сергѣй Деларю.

20.

Александръ Деволантъ. 27 Ноября. 1823 года.

21.

Какимъ словомъ выразить мнѣ то, что я нашелъ въ начальникѣ? — вотъ главное затрудненіе: начальникъ, благодѣтель и вмѣстѣ другъ! какъ я счастливъ, все это вижу я въ одномъ почтенномъ человѣкѣ, къ которому привязанность продлится безъ всякаго сомнѣнія до конца существованія моего. — Онъ знаетъ меня, я открылъ ему мое сердце, его слабости, пусть скажетъ онъ теперь: перемѣнюсь ли я къ нему или нѣтъ?—Ужасная мысль!— Нѣтъ! или я буду всегда достоинъ имени, которое ношу послѣднія уже минуты, или никогда взоръ его не увидитъ недостойнаго прежней любви.

Милое — родное семейство — не забудьте того, который Васъ нелицемѣрно, искренно любитъ; онъ будетъ далеко отъ васъ, но отдаленность не помѣшаетъ ему часто вспоминать о прежнемъ времени, проведенномъ въ вашемъ кругѣ. Сохраните между вами имя мое, которымъ любезнѣйшая женщина въ свѣтѣ такъ близко соединила меня съ дѣтьми своими, повторяйте его изъ года въ годъ — и буду доволенъ.

Обращаюсь опять къ вамъ, другъ юности моей! Забудьте мои слабости, мои минутныя заблужденія; нѣтъ! лучше пожалѣйте меня, дайте мнѣ новыя наставленія и положитесь на время оно исполнитъ повелѣнія мудраго разсудка.

Ils viendront ces paisibles jours,
Ces moments du réveil où la raison sevère
Dans la nuit des erreurs fait briller sa lumière,
Et dissipe à nos yeux le songe des Amours.
Le temps qui d'une aile légère
Emporte en se jouant nos gouts et nos penchants,
Mettra bientôt le terme à mes égarements.
O mon ami! alors échappé de ses chaines,
Et guéri de ses longues peines
Ce coeur qui Vous trahit revolera vers Vous.
Sur votre expérience appuyant ma faiblesse
Peut-être je pourrai d'une folle tendresse
Prévenir les retours jaloux
Sur les plaisirs de mon aurore.
Vous me verrez tourner les yeux mouillés de pleurs,
Soupirer malgré moi, rougir de mes erreurs,
Et même en rougissant les regretter encore.

Семенъ Есаковъ. Царское село. 1817 года. 7 Іюня.

22.

В. Энгельгардтъ. 25 Августа 1823 года.

23.

Семенъ Жеребцовъ. 25 Августа 1823 года.

24.

На всю жизнь вѣрный лицейскій Дмитрій Замятнинъ. Августа 25-аго дня 1823 года.

25.

Честь, благородное въ любви соревнованье
Невольно чтить велятъ наставниковъ своихъ:
Но наше право гдѣ на нихъ воспоминанье?
Щастливъ кто памятникъ оставилъ въ сердцѣ ихъ!

Алексѣй Илличевскій. 8-го Іюня 1817.

26.

Mit schwerem Herzen ergreife ich die Feder, guter Егоръ Антоновичъ, um ihnen ein ewiges Leb'wohl zu sagen. Wir scheiden jetzt auf fernen Wegen, ich werde vielleicht nicht mehr das Glück haben ihre warnende Stimme zu vernehmen, ihre guten Lehren sind aber tief in mein dankbares Herz geschrieben. Gott gebe, daß ich beim Wiedersehen ihnen froh ins Auge blicken, und mit reinem Gewissen sagen könnte: mein Wohlthäter, ich bin ein guter Mensch geworden. Zarskoe-Selo den 27-ten November 1823. Alexander Ürküll.

27.

Перебирая въ Альбомѣ листки, могу надѣяться, что не пропустите и того, въ которомъ есть Васъ любящій по смерть. Константинъ Костенскій.

28.

Ѣду въ Римъ, почтенный и любезный Егоръ Антоновичъ, — Богъ знаетъ, вернусь ли, — Богъ знаетъ, увижу ли опять мѣста, гдѣ провелъ много счастливыхъ и пріятныхъ дней, подъ вашимъ начальствомъ. Теперь могу сказать, не боясь, чтобы слова мои приписаны были какимъ-нибудь личнымъ видамъ, что истинныя отеческія попеченія Ваши и милости ко мнѣ будутъ записаны по гробъ въ душевной книгѣ моей, и что до послѣдней минуты будетъ помнить Васъ Вамъ сердцемъ преданный Н. Корсаковъ. 20 Ноября. 1819.

29.

Sie, geliebter Егоръ Антоновичъ, Ihre mir erwiesenen Wohlthaten, und die schönen Tage, die ich mit Ihnen verlebte, sind unauslöschlich in meinem Herzen eingegraben. Errinnern Sie Sich auch zuweilen an Ihren Sie von ganzem Herzen liebenden L. Kotzebue. Zarskoe Selo den 27-ten November, 1823.

30.

Баронъ Модестъ Корфъ. 10 Іюня. 1817 г. Царское Село.

31.

Баронъ Юлій Корфъ. 1823-го года. 27-го Ноября.

32.

Не имѣю надобности описывать вамъ моей благодарности — довольно и того, что она хранится въ моемъ сердцѣ и сія самая благодарность будетъ служить вѣрнымъ залогомъ моей къ вамъ любви и привязанности. Козельскій. 1823-го года 27-го Ноября.

33.

Модестъ Карамышевъ. 25 Августа 1823 года.

34.

Александръ Крузенштернъ. 27 Ноября. 1823-го года.

35.

Zwar kurze Zeit habe ich das Glück gehabt von Ihnen geleitet und, was mir noch mehr ist, von Ihnen väterlich geliebt zu werden. Wie ein süßer Traum sind auch sie nun dahin geflossen, die Paar goldnen Jahre und es schlägt bald die traurige Stunde, welche das unerforschliche Schicksal zu unserer Trennung bestimmte..... „Aber nicht auf immer sollen wir uns trennen", so sagten Sie mir selbst in den Zeilen, die Sie mir, theuerster und liebster Егоръ Антоновичъ, zum Andenken nachgelassen haben. Mögten Sie sich bei der Erinnerung an Ihre dankbaren und von Ihnen beglückten Zöglinge, auch meiner erinnern und mögte ich mich einst Ihrer Liebe würdig

erweisen: dieses ist mein Wunsch bei unserer Trennung. Sie bleiben immer in meinem Herzen, theuerster und bester Егоръ Антоновичъ. Dmitri Köhler. Zarskoe Selo. den 27 November 1823.

36.

Иванъ Капгеръ. 1823. 25 Августа. Царское Село.

37.

Le poids des bienfaits est pénible à supporter — mais il est doux de devoir à l'amitié. Tu m'as procuré plus d'un an de bonheur et de plus l'espérance de l'être toute ma vie, car tu m'as tracé le chemin qui mène à la félicité. J'étois content, j'étois tranquille, quand tes conseils dirigeoient mes pas, quand ta sagesse supléoit à mon insufisance, quand ton oeil calme maîtrisoit les mouvements impétueux d'un coeur prompt à s'emflammer. Temps que j'ai passé sous le toit de l'amitié! Courts moments de félicité, qui m'avaient consolé de l'absence de mes parents les plus chers, pouvois-je croire que vous deviez vous envoler avec une telle rapidité? Soirées charmantes, entretiens instructifs, épanchements délicieux vous n'existez donc plus que dans mon coeur! Terrible réalité tu detruis mon bonheur. Que vais-je devenir—tu ne m'abandonneras pas; tes conseils me guideront toujours, tu veilleras sur moi. O mon bienfaiteur, mon véritable ami! Je dois m'arracher de tes bras. Combien de sentiments m'agitent à présent. La douleur, les larmes qui boignent mon visage en vous traçant ces lignes m'empêchent de continuer. Reçois donc la juste tribut de ma sincère reconnaissance. Puissé-je pouvoir surtout te la témoigner en me rendant chaque jour plus digne de son amitié! Adieu donc, ô mon guide, ô mon ami. Je ne cesserai de faire des voeux pour ta felicité.—

Adieu. Dieu Protecteur veille sur lui! Votre dévoué ami S. Lomonossoff. 1817. — 7 Juin. Sarskoié-Sélo. Lycée-Impérial.

38.

Егоръ Антоновичъ! За благодѣянія нельзя заплатить ничѣмъ на свѣтѣ; но долгъ и чувства велятъ намъ помнить и благодарить Благодѣтелей. Богъ награждаетъ ихъ за насъ. Не забудьте *Старика* Е. А. и М. Я.[1]) $\frac{1820}{23\ Іюля}$.

39.

Александеръ Липхартъ. 25 Августа 1823-го года.

40.

Егоръ Антоновичъ! Лучшую, можетъ статься щастливѣйшую часть моей жизни провелъ я въ Лицеѣ, — и находясь подъ Вашимъ начальствомъ увѣрился, что *повиновеніе* и *должность* могутъ быть несравненно пріятнѣе самой *независимости*. Теперь оставляю мѣсто моего воспитанія осыпанный Вашими благодѣяніями, и питаю сладкую для меня надежду, что Вы не усумнитесь въ вѣчной непритворной къ Вамъ благодарности Дмитрія Маслова.

41.

Alles, was ich Ihnen nicht schreiben kann, ist nicht im Stande das auszudrücken, was ich fühle. — Nie, nie, Егоръ Антоновичъ, werde ich alle die Wohlthaten, die Sie mir erzeugt haben, vergessen. — Nie werde ich den 6-ten Juny vergessen. — Friedrich Matüschkin. den 30-ten July 1817. und den 8-ten September 1819-го, wo ich wieder das Glück gehabt habe zurück zu kommen. — Adieu wieder auf zwei Jahr. den   Aug. 825[2]).

---

1) Егоръ Антоновичъ и Марія Яковлевна Энгельгардтъ.

2) Подъ записью рисунокъ трехмачтоваго судна подъ парусами.

42.

Не возмогу забыть я сладостныхъ часовъ,
Которы, какъ струи златыя, пробѣгали,
Въ которы чуждъ я былъ и скуки и печали.
Не позабуду я пріятства вечеровъ,
Въ бесѣдахъ дружбы проведенныхъ,
Или мечтаніямъ безмолвнымъ посвященныхъ,
И тихой музыки волшебной, сладкой звукъ,
Кѣмъ часто преношусь въ страны воображенья,
Останется въ душѣ — и средь ужасныхъ мукъ
Мнѣ будетъ голосомъ любви и утѣшенья.
Когда же увлеченъ
Волною бурной жизни,
Я буду удаленъ
Отъ васъ и отъ отчизны;
Какъ мѣсто между васъ
Займетъ другой щастливой
Ужель въ пріятной часъ
Веселости игривой
Не вспомните меня
Вы мыслью ни одною?
Ужель съ разлуки дня
И сердцемъ и душою
Я буду одинокъ?.....
Быть можетъ! Грустна мысль!...
Но прочь отъ насъ мечтанья!
Примите отъ души нельстивыя желанія,
Чтобъ жизни вашей токъ
Печали не мутили
И чтобы всякой часъ
Вы такъ щастливы были
Какъ я былъ среди васъ.

Je prends mon bien partoût où je le trouve. Иванъ Малиновской. 8 Іюля. 1817 года. Царское Село.

43.

Александръ Мартыновъ. Августа 26-го дня 1823-го года.

44.

Пробилъ часъ горести! и скоро на разлуку
Съ прощальною слезой подашъ мнѣ молча руку;
Отторженный отъ насъ таинственной судьбой
Покинешъ скоро ты безпечны наши сѣни!
А я въ мечтахъ вѣкъ буду жить съ тобой,
И вѣчно образъ твой
Какъ нѣкій добрый Геній
Носиться будетъ предо мной!
Но слабы для тебя мои изображенья,
Что сердце чувствуетъ — перо не начертитъ;
Благодѣянія твои и наставленья
Изъ сердца моего ничто не истребитъ!

По симъ строкамъ хоть вспомните вѣчно преданнаго Вамъ Н. Мертваго. 1823. 27-го Ноября.

45.

Прощайте, Егоръ Антоновичъ! не забывайте Вамъ сердцемъ преданнаго Н. Местмахера. 18 $\frac{\text{II}}{27}$ 23.

46.

Андрей Малиновскій. 25 Августа 1823.

47.

Карлъ Миллеръ. 27 Ноября 1823.

48.

В. Неклюдовъ. 1823-го Августа 25.

49.

Левъ Нарышкинъ. 1823-го года 27-го Ноября.

50.

Сергѣй Озеровъ. 1823 года 27 Ноября.

51.

Пріятно мнѣ думать, что, увидя въ книгѣ вашихъ воспоминаній и мое имя между имянами молодыхъ людей, которые обязаны Вамъ щастливѣйшимъ годамъ жизни ихъ, вы скажете: въ Лицеѣ не было неблагодарныхъ. Александръ Пушкинъ.

52.

Оставляя *Лицей*, сей гостепріимный кровъ, гдѣ среди тишины и безпечности наслаждался молодою жизнію, я спѣшу изъявить живое непритворное чувство благодарности за ваши обо мнѣ незабвенныя попеченія. — Благодарность есть память сердца. — Мелькнутъ два, три мѣсяца и питомцы Лицея будутъ разбросаны судьбою по всѣмъ дорогамъ міра, но будьте увѣрены, Егоръ Антоновичъ, что мы подобно Іудеямъ станемъ душою всегда стремиться къ своему—Іерусалиму, и среди шума откровенной Дружбы, и въ волненіи гордыхъ думъ. И. Познякъ. 1820-го 24-го Маія.

53.

Николай Пащенко. 1823-го года 27-го Ноября.

54.

1823 года 25 Августа. Михайло Поповъ.

55.

Константинъ Рихтеръ.

56.

Иванъ Рашетъ. 1823. Авг. 25.

57.

Федоръ Розенъ 1823-аго года 27-аго Ноября.

58.

Александръ Рихтеръ. 1823 года. 28 Ноября.

59.

Александръ Ритмейстеръ. 27 Ноября 1823.

60.

Вспоминайте иногда и о истинно любящемъ васъ Петрѣ Саврасовѣ. 18 $\frac{3}{VI}$ 17.

61.

Wer die innersten Tiefen der Seele durchschaute und nach ihren Gefühlen den Jüngling beurtheilte; der wird auch in seinem Herzen die Empfindungen gewahr werden, welche die schwere Stunde der Trennung von denen, welche er schätzet und liebet, in ihm erwecket, und welche durch Worte nimmer, besonders bei der letzten Umarmung, wo das Herz nur durch Thränen redet, auszudrücken im Stande sind. Friedrich Steven. Den 11-ten Juni 1817.

62.

Вѣрьте, Вы всегда найдете во мнѣ одного Савича.

63.

Аполинарій Спафарьевъ. 1823 года 27 Ноября.

64.

Вспоминайте, Егоръ Антоновичъ, что и Смирновъ находится въ числѣ тѣхъ, кои любятъ и почитаютъ васъ. 1823 года 27 Ноября.

65.

Юліанъ Уляновскій. 1823 года. Августа 25-го.

66.

Сергѣй Фаминцынъ. 25 Августа 1823-го.

67.

Пожаръ разсѣялъ насъ, Егоръ Антоновичъ! Выпускъ нашъ былъ слѣдствіемъ ужаснаго нещастія! Да послужитъ это къ большому соединенію Вашихъ воспитанниковъ. Глядя на голыя стѣны Лицея, я непритворно проливалъ слезы, оставляя въ 1-й разъ моего друга и благодѣтеля, находилъ какую-то неблагодарность бѣжать скоро изъ того мѣста, которое такъ долго пеклось о нашемъ щастіи, оставить дымящимся Лицей..., но мнѣ повелѣно было явиться въ шумную столицу.—Я люблю Лицей, Вы пріучили меня цѣнить его, но безъ Васъ я бы мало имѣлъ пріятныхъ о немъ воспоминаній, ибо только въ Вашемъ домѣ я былъ истинно щастливъ, забывалъ возлѣ Васъ, что у меня нѣтъ отца, и что болѣе шести лѣтъ я не видалъ Матери. Теперь, прощаясь съ Лицеемъ, скажу Вамъ, что Ваше семейство будетъ вѣчно для меня столь же дорого, какъ и свое собственное и что Вы не ошибетесь, ежели не перестанете любить меня какъ того, которой почитаетъ Васъ за лучшаго друга, наставника и благодѣтеля. Прощайте Егоръ Антоновичъ и

Марья Яковлевна, вспоминайте *au clair de la lune* о вашемъ вѣрномъ Pierrot. 15 Іюля 1820[1]).

68.

Шесть лѣтъ провелъ я въ Лицеѣ отчасти весело, отчасти весьма непріятно, но послѣдній годъ заставилъ меня забыть прошедшее. Признаюсь вамъ, что время сіе, проведенное мною *въ семъ святомъ уединеніи*[2]), почитаю я теперь однимъ изъ щастливѣйшихъ въ моей жизни. Оно уже невозвратно, но сладкое объ немъ воспоминаніе вѣчно будетъ храниться въ груди моей. Вообразите же, Егоръ Антоновичъ, чего стоитъ мнѣ разстаться съ тѣмъ, котораго почитаю и всегда буду почитать единственнымъ *виновникомъ моего щастія.* Получивъ позволеніе посѣщать домъ его, я вскорѣ увидѣлъ себя посреди щастливѣйшаго въ свѣтѣ семейства и сердце мое познало, сколь трудно питать одинаковыя чувства къ двумъ равно драгимъ предметамъ, съ коими судьба не позволяетъ быть вмѣстѣ. Тутъ пробудилось во мнѣ одно изъ благороднѣйшихъ чувствъ, которое имѣло и всегда будетъ имѣть благодѣтельнѣйшее вліяніе на мой характеръ. О естлибъ я могъ удостоиться когда либо того щастія, коимъ многіе давно уже пользовались, естлибъ исполнилось единственное мое желаніе—свободно открывать вамъ мои чувства: тогда бы для совершеннаго моего щастья оставалось только то, чтобы объстоятельства не препятствовали мнѣ неразлучно провести всю жизнь мою съ двумя равно для меня драгоцѣнными семействами. Для нихъ охотно бъ согласился я оставить и шумный свѣтъ, и всѣ его непостоянныя удовольствія и глухая пустыня была бъ неоцѣненнымъ для меня сокро-

---

1) Петръ Яхонтовъ. Подъ записью рисунокъ деревенскаго дома съ отмѣткою: 1 décembre 1822. Щениково.

2) Слова заимствованныя изъ извѣстной прощальной пѣсни лицеистовъ — барона Дельвига.

778

вищемъ. Простите моей болтливости, вы сами, Егоръ Антоновичъ, виноваты, что это сдѣлалось во мнѣ закоренѣлою страстью.

Ш, ѣ, а, к, в.

69.

Коллегіи Секретарь Яковлевъ.

„Зеленая Лампа“.

Общество „Зеленой Лампы“ совершенно не привлекало вниманія историковъ нашей общественности; имъ интересовались только біографы Пушкина, столкнувшіеся съ фактомъ значительнаго вліянія этого кружка на творчество и складъ міровоззрѣнія поэта. Объ этомъ вліяніи свидѣтельствуютъ неоднократныя упоминанія поэта о „Зеленой Лампѣ“, а главное—рядъ поэтическихъ произведеній, связанныхъ между собой съ внѣшней стороны тѣмъ обстоятельствомъ, что они имѣютъ въ виду членовъ этого кружка, а съ внутренней единствомъ темъ и настроеній. Но вопросъ объ истинныхъ задачахъ и о дѣйствительной дѣятельности общества „Зеленой Лампы“ окончательно не рѣшенъ. П. И. Бартеневъ[1]) на основаніи устныхъ сплетенъ пустилъ въ ходъ версію объ оргіастическомъ направленіи кружка „Зеленой Лампы“; П. В. Анненковъ, очень щекотливый и строгій въ вопросахъ нравственности, подхватилъ версію П. И. Бартенева и утвердилъ ее своимъ авторитетомъ. Вотъ его разсказъ о „Зеленой Лампѣ“. „Какія разнообразныя и затѣйливыя формы принималъ тогдашній кутежъ, можетъ показать намъ общество „Зеленой Лампы“, основанное Н. В. Все—мъ и у него собиравшееся. Розысканія и разспросы объ этомъ

1) Въ „Моск. Вѣд.“ 1855 г., № 143, а въ особенности въ примѣч. на 128 стр. своей книжки „Пушкинъ въ южной Россіи“, М. 1862.

кружкѣ обнаружили, что онъ составлялъ, со своимъ прославленнымъ калмыкомъ, не болѣе, какъ обыкновенное оргіаческое общество, которое, въ числѣ различныхъ домашнихъ представленій, какъ изгнаніе Адама и Евы, погибель Содома и Гоморры и проч., имъ устраиваемыхъ въ своихъ засѣданіяхъ *(см. статью г. Бартенева «Пушкинъ на югѣ»)*, занималось еще и представленіемъ изъ себя, ради шутки, собранія съ парламентскими и масонскими формами, но посвященнаго исключительно обсужденію плановъ волокитства и закулисныхъ проказъ. Когда въ 1825 году произошла повѣрка направленій, усвоенныхъ различными дозволенными и недозволенными обществами, невинный, т.-е. оргіаческій характеръ „Зеленой Лампы" обнаружился тотчасъ же и послужилъ ей оправданіемъ. Дѣла, разрѣшавшіяся „Зеленой Лампой", были преимущественно дѣла по Театральной школѣ" [1]).

Съ легкой руки Бартенева и Анненкова легенда объ оргіазмѣ „Зеленой Лампы" внѣдрилась въ пушкинскую литературу и долгое время повторялась писавшими о Пушкинѣ. Вліяніе этого общества признавалось въ высшей степени отрицательнымъ и вреднымъ. Правда, изслѣдователи, искавшіе фактическихъ подтвержденій, должны были взвѣсить тотъ фактъ, что ни Бартеневъ, ни Анненковъ, всегда очень точно указывающіе свои источники, въ этомъ случаѣ оперлись на темные „разспросы и розысканія" у лицъ, намъ неизвѣстныхъ. П. А. Ефремовъ особенно рѣзко отзывался о розсказняхъ Анненкова и ссылался на протоколы „Зеленой Лампы", съ которыми онъ могъ въ свое время познакомиться.

Въ своемъ изслѣдованіи объ Я. Н. Толстомъ (1899 г.) Б. Л. Модзалевскій также отказался довѣриться огульной

---

1) П. Анненковъ. А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху. С.-Пб. 1874, стр. 63, прим.

оцѣнкѣ П. В. Анненкова. Въ послѣднее время П. О. Морозовъ и А. Н. Веселовскій[1]) пытаются окончательно разорвать съ легендой о „Зеленой Лампѣ“. Казалось бы, на этотъ кружокъ началъ устанавливаться въ спеціальной литературѣ надлежащій взглядъ. Тѣмъ неожиданнѣе и тѣмъ печальнѣе было встрѣтить въ книгѣ г. Сиповскаго (Пушкинъ. Жизнь и творчество. С.-Пб. 1907 г.) возвращеніе къ старому взгляду и даже усугубленіе его.

А вопросъ о „Зеленой Лампѣ“ особенно важенъ для біографіи поэта. Онъ даже имѣетъ кардинальное значеніе. То или иное рѣшеніе вопроса есть уголъ зрѣнія, подъ которымъ нужно смотрѣть на творчество Пушкина 1818—1820 гг., на развитіе его міровоззрѣнія.

Казалось бы, еще скорѣе, чѣмъ отсутствіе какихъ-либо фактическихъ подтвержденій, легенду должно было бы разрушить непосредственное обращеніе къ произведеніямъ Пушкина, связаннымъ съ „Зеленой Лампой“. Они съ совершенной достовѣрностью открываютъ, что политическій характеръ, по меньшей мѣрѣ, былъ далеко не чуждъ общенію членовъ кружка. Изслѣдователи, поддерживающіе точку зрѣнія Бартенева и Анненкова, должны были бы крѣпко помнить извѣстные стихи, обращенные Пушкинымъ къ Каверину, бывшему членомъ кружка:

„Усердствуй Вакху и любви
И черни презирай ревнивое роптанье:
Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
Съ Киѳерой, съ Портикомъ, и съ книгой, и съ бока-[ломъ,
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ“.

1) Въ своихъ статьяхъ въ первомъ томѣ сочиненій Пушкина подъ ред. С. А. Венгерова.

Вотъ это-то легкое покрывало безумной шалости до сихъ поръ еще не сдернуто съ разгульнаго и вольнолюбиваго кружка.

Даже описаніе собраній кружка, сдѣланное Пушкинымъ въ 1822 году въ письмѣ къ Я. Н. Толстому, по своей прелестной выдержанности несовмѣстимое съ содомскими представленіями, не заставило изслѣдователей сдать въ архивъ розсказни Бартенева и Анненкова.

Вотъ онъ, пріютъ гостепріимной,
Пріютъ любви и вольныхъ музъ,
Гдѣ съ ними клятвою взаимной
Скрѣпили вѣчный мы союзъ,
Гдѣ дружбы знали мы блаженство,
Гдѣ въ колпакѣ за круглый столъ
Садилось милое равенство,
Гдѣ своенравный произволъ
Мѣнялъ бутылки, разговоры,
Разсказы, пѣсни шалуна,
И разгорались наши споры
Отъ искръ и шутокъ, и вина.
Я слышу, вѣрные поэты,
Вашъ очарованный языкъ....[1])

Въ этомъ кружкѣ Пушкинъ отмежевывалъ себя

Отъ мертвой области рабовъ
Капральства, прихотей и моды.
(Н. В. Всеволжскому, 1819 г.).

Покидая лѣтомъ 1819 года Петербургъ, Пушкинъ уже мечталъ объ удовольствіяхъ возвращенія подъ тѣнь „Зеленой Лампы“:

Пріѣду я
Въ началѣ мрачномъ октября:
Съ тобою пить мы будемъ снова,
Открытымъ сердцемъ говоря

1) Сочиненія Пушкина, изд. Академіи Наукъ. Переписка. Т. I, стр. 53.

Насчетъ глупца, вельможи злова,
Насчетъ холопа записнова,
Насчетъ небеснаго царя,
А иногда насчетъ земнова.
(В. В. Энгельгардту, 1819 г., іюль).

Съ именами П. Б. Мансурова и Ѳ. Ф. Юрьева, тоже членовъ „Зеленой Лампы“, связаны самыя распущенныя, съ точки зрѣнія житейской морали, стихотворенія этого цикла. Но и съ этими людьми Пушкина связывало какое-то единство свободолюбивыхъ вѣяній. Даже въ извѣстномъ посланіи къ Юрьеву, проникнутому какой-то особой беззавѣтностью удали, находимъ отблески „свободы“:

Здорово, рыцари лихіе
Любви, свободы и вина!
Для насъ, союзники младые,
Надежды лампа зажжена!... (1819 г.).

Мы, быть можетъ, не рѣшились бы отыскивать политику въ этомъ посланіи, но „лампа надежды“ заставляетъ насъ дѣлать это. Немного дальше мы разъяснимъ, почему. Не лишнее упомянуть, что даже въ письмѣ къ Мансурову, которое и до сихъ поръ печатается съ многочисленными точками по соображеніямъ моральнымъ, встрѣчаемъ такой конецъ: „поговори мнѣ о себѣ — о военныхъ поселеніяхъ — это все мнѣ нужно — потому что я люблю тебя — и ненавижу деспотизмъ“.

Изъ всего цикла стихотвореній встрѣчаемъ только одно посланіе М. А. Щербинину, совершенно свободное отъ какихъ-либо политическихъ намековъ.

Отъ свидѣтельствъ Пушкина перейдемъ къ фактическимъ даннымъ. Пожалуй, единственный фактъ Анненкова — ссылка на разслѣдованіе Слѣдственной Коммиссіи по дѣлу декабристовъ: „произошла повѣрка направленій,

усвоенныхъ различными дозволенными и недозволенными обществами, невинный, т.-е. оргіаческій характеръ „Зеленой Лампы“ обнаружился тотчасъ же и послужилъ ей оправданіемъ“. Дѣйствительно, если бы общество имѣло исключительно этотъ характеръ, то, въ виду страха, нагнаннаго на всю Россію слѣдователями Николая I, проще и естественнѣе всего было бы ожидать, что будутъ ссылаться на разгульный тонъ всего общества. Но при разслѣдованіи, какъ увидимъ ниже, слѣдственная коммиссія не получила *ни одного указанія* на оргіазмъ „Зеленой Лампы“.

Въ составленномъ въ 1827 году для Николая I „Алфавитѣ членамъ бывшихъ злоумышленныхъ тайныхъ обществъ и лицамъ прикосновеннымъ къ дѣлу, произведенному Высочайше учрежденною 17 декабря 1825 года Слѣдственною Коммиссіею“, находимъ и имя Никиты Всеволодовича Всеволжскаго. Противъ этого имени записано: „по показанію кн. Трубецкого, Бурцова и Пестеля Всеволжскій былъ учредителемъ общества Зеленой Лампы, которому названіе сіе дано отъ лампы, висѣвшей въ залѣ его дома, гдѣ собирались члены, коими, по словамъ Трубецкого, были Толстой, Дельвигъ, Родзянко, Барковъ и Улыбашевъ. По изысканію Коммиссіи оказалось, что предметомъ сего общества было единственно чтеніе вновь выходящихъ литературныхъ произведеній, и что оно уничтожено еще до 1821 года. Коммиссія, видя, что общество сіе не имѣло никакой политической цѣли, оставила оное безъ вниманія“ [1]). Въ „Алфавитѣ“ занесены и всѣ поименованныя тутъ лица, и противъ фамиліи каждаго изъ нихъ, за исключеніемъ Я. Н. Толстого, повторяется та же самая запись. Запись же противъ фами-

---

1) Эта запись уже цитировалась Б. Л. Модзалевскимъ въ его предисловіи къ „Запискамъ В. П. Зубкова“ С.-Пб., 1906, стр 9.

ліи Я. Н. Толстого указываетъ только принадлежность его къ Союзу Благоденствія и не упоминаетъ о „Зеленой Лампѣ“.

Никто изъ лицъ, оговоренныхъ Трубецкимъ въ принадлежности къ „Зеленой Лампѣ“, не допрашивался; всѣ они оставлены безъ вниманія, за исключеніемъ Я. Н. Толстого, который въ это время былъ за-границей и не могъ быть допрошенъ.

Въ этомъ итогѣ разысканій Коммиссіи нѣтъ упоминаній объ оргіастическихъ особенностяхъ сообщества, но обратимся къ другому итогу, подведенному уже въ 1827 году, болѣе полному.

Въ „Краткомъ описаніи различныхъ тайныхъ обществъ, коихъ дѣйствительное или мнимое существованіе обнаружено Слѣдственною Коммиссіею“ [1]), находимъ слѣдующее описаніе Общества Зеленой Лампы.

„Въ 1820 году камеръ-юнкеръ Всеволжскій завелъ сіе общество, получившее свое названіе отъ лампы зеленаго цвѣта, которая освѣщала комнату въ домѣ Всеволжскаго, гдѣ собирались члены. Оно политической цѣли никакой не имѣло; члены съѣзжались для того, чтобы читать другъ другу новыя литературныя произведенія, свои или чужія, и обязывались сохранять въ тайнѣ все, что на ихъ собраніяхъ происходило, ибо нерѣдко случалось, что тамъ слушали и разбирали стихи и прозу, писанные въ сатирическомъ или вольномъ духѣ. Въ 1822 году общество сіе, весьма немногочисленное и по качествамъ членовъ своихъ незначущее, уничтожено самими членами, страшившимися возбудить подозрѣніе правительства. Камеръ-юнкеръ Всеволжскій, равно какъ и прочіе его сообщники оставлены безъ вниманія“.

Въ этомъ свидѣтельствѣ встрѣчаемъ указанія и на

---

1) Госуд. Арх. I. В., № 332 в.

тайну, соблюдавшуюся въ обществѣ, и на сатирическій или вольный духъ читанныхъ на собраніяхъ стихотвореній, и на *исключительно литературный* характеръ общества.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ показаніямъ, которыми располагала Слѣдственная Коммиссія, составляя свои заключенія объ обществѣ „Зеленой Лампы". Первый итогъ основанъ на показаніяхъ Трубецкого, Бурцова и Пестеля.

Впервые о „Зеленой Лампѣ" Коммиссія услышала, повидимому, отъ Пестеля. Въ своихъ дополненіяхъ къ отвѣтамъ, даннымъ генералу В. В. Левашову, 6 января 1827 года Пестель, между прочимъ, пишетъ: „Слыхалъ я еще о существованіи двухъ тайныхъ обществъ подъ названіемъ Русскіе рыцари и Зеленая Лампа. О членахъ и подробностяхъ ничего не слыхалъ и не знаю, уничтожились ли они или еще продолжаются. О первомъ слыхалъ отъ ген. Орлова, а о второмъ, за давностью времени, никакъ не упомню, кто мнѣ говорилъ, ибо это было еще въ 1817 или 1818 году. Но кажется, что Трубецкой о томъ зналъ". Черезъ нѣсколько дней Комитетъ предложилъ Пестелю „объяснить съ подробностію и чистосердечіемъ все то, что ему извѣстно о существованіи, дѣйствіяхъ и взаимныхъ сношеніяхъ съ другими обществами „Зеленой Лампы". 13 января Пестель отвѣчалъ: „О Зеленой Лампѣ никакъ не могу припомнить, кто мнѣ говорилъ, ибо сіе было еще въ 1817 или 1818 годахъ, но тогда же мнѣ сказано, что князь Сергѣй Трубецкой имѣетъ свѣдѣніе о семъ обществѣ. Я впослѣдствіи никогда о томъ съ Трубецкимъ не говорилъ, ибо совершенно забылъ о сей Зеленой Лампѣ, да и полагаю, что нѣя общество было весьма незначущее, ибо послѣ того никогда болѣе ничего про нее не было слышно" [1]).

---

1) Оба отвѣта приведены въ книгѣ Н. П. Павлова-Сильванскаго: „Декабристъ Пестель предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ". Изд. „Донской Рѣчи", стр. 135 и 115.

Не получивъ никакихъ указаній отъ Пестеля, Коммиссія обратилась, конечно, къ Трубецкому. 12 января Трубецкому былъ предложенъ слѣдующій вопросный пунктъ:

„Комитетъ имѣетъ опредѣлительное показаніе, что вамъ извѣстно о существованіи въ Россіи особаго тайнаго общества подъ названіемъ Зеленая Лампа, по сему требуетъ отъ васъ показанія:

1) Гдѣ сіе общество существуетъ, когда возымѣло свое начало и кѣмъ именно основано?

2) Какая цѣль и намѣреніе сего общества, какими средствами полагали достигнуть цѣль свою?

3) Кто именно члены сего общества?

4) Съ какими другими обществами оное имѣетъ сношеніе?

5) На какихъ правилахъ или законахъ общество сіе составлено?

Князь Трубецкой далъ слѣдующіе отвѣты на эти пункты.

1) Общество Зеленой Лампы возымѣло начало въ 1818 году и основано было камеръ-юнкеромъ Никитою Всеволодовичемъ Всеволжскимъ.

2) Цѣль сего общества была просто собираться читать сочиненія, которыя члены приносили для чтенія въ ономъ; а политической цѣли никакой, сколько мнѣ извѣстно, не было.

3) Изъ бывшихъ членами сего общества, кромѣ меня и Всеволожскаго, извѣстны мнѣ еще были: *Улыбышевъ* служащій нынѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; *Дельвигъ* (баронъ) гдѣ служитъ не знаю, но извѣстенъ литературными своими произведеніями; Яковъ Николаевичъ *Толстой*, старшій адъютантъ Главнаго Штаба Его Величе-

ства; кажется, былъ *Родзянко*, служившій въ л.-гв. Егерскомъ полку; *Барковъ*, служившій въ ономъ же полку. Еще кто былъ, упомнить не могу. Я былъ недолго членомъ сего общества, не болѣе двухъ мѣсяцевъ предъ отъѣздомъ моимъ въ чужіе краи въ 1819 году и послѣ, когда оно разстроилось, я достовѣрнаго отвѣта дать не могу.

4) Сколько мнѣ извѣстно, оно ни съ какими другими обществами сношенія не имѣло.

5) Особыхъ правилъ и законовъ, сколько я знаю, оно никакихъ не имѣло; только въ члены принимались не иначе какъ по общему согласію; каждый членъ былъ обязанъ сочиненія свои прежде читать въ семъ обществѣ, до изданія ихъ. Собирались у Всеволожскаго, кажется, разъ въ двѣ недѣли" [1]).

13 января члены Коммиссіи заслушали отвѣты князя Трубецкого и положили „имѣть въ виду, не откроется ли на счетъ сего общества какихъ-либо дальнѣйшихъ объясненій" [2]). Но дальнѣйшія объясненія не увеличили запаса свѣдѣній Коммиссіи. Зубковъ въ то же время показалъ, что „слыхалъ о какомъ-то обществѣ „Зеленой Лампы", но не помнитъ отъ кого" [3]). 16 января полковникъ Бурцовъ въ своихъ показаніяхъ написалъ: „О другихъ (кромѣ Союза Благоденствія) обществахъ, въ Россіи и Малороссіи существующихъ, я совершенно ничего не знаю, кромѣ того, что при изслѣдованіи происшествія Семеновскаго полка открыто было полиціею въ Петербургѣ много тайныхъ обществъ и изъ нихъ одно именовалось „Зеленая Лампа", въ которомъ былъ членомъ

---

1) Госуд. Арх. I В. Дѣло кн. С. П. Трубецкого.

2) Протоколы Коммиссіи, засѣд. XXVIII. (Госуд. Арх. I. В.).

3) Записки В. П. Зубкова. Пред. и ред. Б. Л. Модзалевскаго. С.-Пб. 1906, стр. 9.

камеръ-юнкеръ Всеволожскій. Это я слышалъ отъ полк. Глинки. Также говорили, что есть большое общество мистическое, въ которомъ дѣйствовалъ г. Лабзинъ. Но обо всемъ этомъ я по истинѣ ничего точнаго не знаю"[1]). Въ виду отсутствія дальнѣйшихъ свѣдѣній Коммиссія оставила безъ вниманія „Зеленую Лампу", составивъ приведенное нами выше и прописанное въ „Алфавитѣ" заключеніе. Коммиссія не потребовала даже къ отвѣту вліятельнаго члена Союза Благоденствія Я. Н. Толстого, хотя принадлежность его къ Союзу была извѣстна Коммиссіи. Императоръ Николай I приказалъ Толстого, находившагося за-границей, „поручить подъ секретный надзоръ начальства и ежемѣсячно доносить о поведеніи"[2]).

Послѣ окончанія дѣла декабристовъ и приведенія приговора въ исполненіе Я. Н. Толстой, сидя за-границей въ самомъ бѣдственномъ положеніи, безъ денегъ, безъ писемъ съ родины, подъ вѣчнымъ подозрѣніемъ, задумалъ реабилитировать себя. 26 іюля (очевидно, по новому стилю) 1826 г. изъ Парижа Толстой обратился съ всеподданнѣйшимъ письмомъ, въ которомъ далъ объясненія о своихъ отношеніяхъ къ тайнымъ обществамъ. Письмо это, очевидно, не подѣйствовало. 17 октября того же года Толстой обращается уже съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ и прилагаетъ записку, въ которой не совсѣмъ дословно повторяетъ объясненія письма отъ 26 іюля[3]). Въ приложеніяхъ мы даемъ текстъ письма и записки, но

---

1) Госуд. Арх. I В, № 95.

2) Вопросъ о виновности Толстого разобранъ мною въ замѣткѣ „Изъ двадцатыхъ годовъ. I. Къ біографіи Я. Н. Толстого" (Пушкинъ и его современники, вып. II). Свѣдѣнія, которыя я сообщаю дальше, были мнѣ въ то время недоступны.

3) Эти документы хранятся въ Архивѣ Главн. Штаба, 1826 г., д. № 562. Нами воспроизведены по копіямъ, полученнымъ П. А. Ефремовымъ отъ Н. К. Шильдера.

здѣсь насъ не интересуетъ исторія реабилитаціи Толстого и не занимаетъ вопросъ, какъ и насколько вѣрно изображаетъ Толстой свои отношенія къ тайнымъ обществамъ. Мы остановимся только на его разсказѣ о „Зеленой Лампѣ". Замѣтимъ, однако, что Толстой старается свести къ нулю свое участіе во всѣхъ тайныхъ обществахъ, предпочитая подробнѣе разсказать о „Зеленой Лампѣ". Такой методъ оправданія, надо думать, былъ подсказанъ неглупому Толстому извѣстной ему судьбой товарищей по „Зеленой Лампѣ" и прежде всего Всеволжскаго. Вотъ что говоритъ Толстой о „Зеленой Лампѣ". Воспроизводимъ разсказъ письма, въ скобкахъ указывая измѣненія и дополненія записки, приложенной къ прошенію [1]).

„Въ 1818 [или 1819] году составилось общество въ домѣ камеръ-юнкера [Никиты] Всеволжскаго. Цѣль онаго состояла въ чтеніи литературныхъ произведеній. Я былъ одинъ изъ первыхъ (главнѣйшихъ) установителей сего общества и избранъ первымъ предсѣдателемъ. — Оно получило названіе „*Зеленой Лампы*" по причинѣ лампы сего цвѣта, висѣвшей въ залѣ, гдѣ собирались члены. — Подъ симъ названіемъ крылось однако же двусмысленное подразумѣніе и девизъ общества состоялъ изъ словъ: *Свѣтъ и Надежда*. Причемъ составлены (составились) также кольца, на коихъ вырѣзаны были лампы; члены обязаны были имѣть у себя по кольцу. — Общество Зеленой Лампы [не взирая на то] не имѣло никакой политической цѣли. — Одно обстоятельство отличало его отъ прочихъ ученыхъ обществъ: статутъ приглашалъ въ засѣданіяхъ объясняться и писать [послѣдняго слова нѣтъ] свободно и каждый членъ давалъ слово хранить тайну.— За всѣмъ тѣмъ впродолженіе года общество Зеленой

1) Скобками [ ] обозначаемъ дополненія записки противъ письма, а скобками ( ) измѣненія.

Лампы не измѣнилось и кромѣ нѣкоторыхъ республиканскихъ стиховъ и другихъ отрывковъ тамъ читанныхъ, никакихъ вольнодумческихъ плановъ не происходило; число членовъ доходило до 20-ти или немного болѣе. Засѣданія происходили, какъ я выше сказалъ, въ домѣ Всеволжскаго, а въ отсутствіе его въ моемъ. — Однажды членъ отставной полковникъ Жадовскій объявилъ обществу, что правительство (полиція) имѣетъ о немъ свѣдѣнія и что мы подвергаемся опасности, не имѣя дозволенія на установленіе общества. — Съ симъ извѣстіемъ положено было прекратить засѣданія и съ того времени общество рушилось. — Но изъ числа членовъ находились нѣкоторые, движимые политическими видами, и въ 1819 [или въ 1820] году (кажется) коллежскій ассесоръ Токаревъ и полковникъ Глинка сошлись на квартирѣ перваго, пригласили меня и, присоединивъ къ себѣ князя Оболенскаго, титулярнаго совѣтника Семенова и прапорщика Кашкина (послѣдней фамиліи нѣтъ), положили составить общество подъ названіемъ „Добра и Правды". Уложеніе уже было написано кол. асс. Токаревымъ: оно состояло въ прекращеніи всякаго зла въ государствѣ, въ изобрѣтеніи новыхъ постановленій въ правительствѣ и наконецъ въ составленіи конституціи".

Очевидно, составитель того заключенія о „Зеленой Лампѣ", которое мы выше привели изъ составленнаго въ 1827 году „Краткаго описанія тайныхъ обществъ", уже имѣлъ въ виду донесеніе Толстого. Трудно предположить, что Толстому были извѣстны показанія Трубецкого о „Зеленой Лампѣ", а отсутствіе противорѣчій въ его объясненіяхъ этимъ показаніямъ свидѣтельствуетъ о томъ, что представленіе объ этомъ кружкѣ, данное Трубецкимъ и Толстымъ, соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Толстой только углубляетъ и дополняетъ сообщеніе Трубецкого. Но гдѣ же въ этомъ разсказѣ сказочный разгулъ

и развратъ, о которомъ сообщилъ намъ П. И. Бартеневъ? Вспомнимъ о томъ, что Толстой написалъ свои объясненія съ цѣлью своего оправданія: если бы хоть на половину были вѣрны розсказни П. И. Бартенева, то неужели же Толстой упустилъ бы случай окрасить кружокъ „Зеленой Лампы" въ антиполитическій тонъ? Не забудемъ и того, что въ расчеты Толстого, основательно исказившаго въ своихъ объясненіяхъ свои отношенія къ тайнымъ обществамъ, входило быть искреннимъ въ разсказѣ о „Зеленой Лампѣ".

Итакъ, *главнѣйшая* задача кружка — чтеніе литературныхъ и, преимущественно, на политическія темы произведеній. Это заключеніе подтверждается и разсказомъ П. А. Ефремова о протоколахъ и бумагахъ „Зеленой Лампы", которыя ему пришлось видѣть у М. И. Семевскаго. Покойный П. А. неоднократно высказывалъ пишущему эти строки сожалѣніе, что онъ не воспользовался въ свое время хоть частью этихъ бумагъ[1]). Изъ этихъ протоколовъ и бумагъ было видно, что въ „Зеленой Лампѣ" читались стихи и прозаическія сочиненія членовъ (какъ, напр., Пушкина и Дельвига), представлялся постоянный отчетъ по театру (Д. Н. Барковымъ), были даже читаны обширные очерки самого Всеволожскаго изъ русской исторіи, составленные не по Карамзину, а по лѣтописямъ. „Въ этихъ протоколахъ — продолжаетъ П. А. Ефремовъ — я видѣлъ указаніе на чтеніе стихотворенія бар. Дельвига: „Мальчикъ, солнце встрѣтить должно", неоднократно приписывавшееся Пушкину, и тутъ же приложено было

1) Найдутся ли онѣ? Я слышалъ отъ С. А. Панчулидзева, что въ Рябовѣ, имѣніи Всеволожскихъ, хранился въ послѣднее время архивъ „Зеленой Лампы". Но послѣ смерти владѣлицы я обращался къ ея наслѣднику, г. Всеволожскому, но онъ сообщилъ мнѣ, что тоже слышалъ объ этихъ бумагахъ, но ровно ничего въ Рябовѣ уже не нашелъ.

и самое стихотвореніе, написанное рукою барона и съ его подписью"[1]).

Общество при наличности нѣкоторой политической пропаганды усвоило себѣ и нѣкоторыя особенности тайныхъ обществъ: соблюденіе тайны, обмѣнъ кольцами. Но въ сплетнѣ, сообщаемой Анненковымъ о „Зеленой Лампѣ", не отразилась ли эта таинственность и обрядность въ упоминаніи о парламентскихъ и масонскихъ формахъ? И вообще весь разсказъ Анненкова не напоминаетъ ли тѣхъ баснословныхъ и нелѣпыхъ обличеній масоновъ, которыми была полна послѣдняя четверть XVIII вѣка? Анненковъ, которому вообще нельзя отказать въ историческомъ чутьѣ, былъ введенъ въ обманъ прежде всего присущимъ ему ханжествомъ въ вопросахъ морали и религіи. Это ханжество — мы знаемъ — заставляло его вычеркивать, да вычеркивать строки Пушкина изъ подлинныхъ рукописей. И тутъ изъ-за этого свойства своей натуры Анненковъ не замѣтилъ, что разгулъ и развратъ и Пушкина, и „Зеленой Лампы" вовсе не были необыкновенны даже до грандіозности, а умѣщаются въ историческихъ рамкахъ. Время такое было, но Пушкинъ — не алкоголикъ и не садистъ.

Познакомившись съ объясненіями Толстого, мы можемъ освѣтить два мѣста изъ стихотвореній цикла „Зеленой Лампы", которыя до сихъ поръ были нѣсколько неясны. Вспомнимъ

Для насъ, союзники младые,
Надежды лампа зажжена.

По словамъ Толстого, названіе „Зеленой Лампы" было двусмысленно, и девизъ общества былъ: Свѣтъ и Надежда.

---

1) Сочин. Пушкина. Ред. П. А. Ефремова. С.-Пб. 1905, т. VIII, стр. 135.

Въ письмѣ къ Толстому Пушкинъ о кружкѣ говоритъ

Прiютъ любви и вольныхъ музъ [1])
Гдѣ съ ними *клятвою взаимной*
Скрѣпили вѣчный мы союзъ..

Союзники, союзъ и клятвы... у Пушкина; тайное общество вольнолюбивыхъ людей, связанное клятвами, обмѣномъ колецъ... въ объясненiяхъ Толстого.

Обратимся къ составу „Зеленой Лампы". До опубликованiя оффицiальныхъ документовъ мы знали въ числѣ членовъ, кромѣ Н. В. Всеволожскаго и его брата, Як. Н. Толстого, офицера л.-гв. Егерскаго полка Дм. Ник. Баркова, Ген. Штаба М. А. Щербинина, лейбъ-улана Ѳ. Ф. Юрьева, лейбъ-гусара П. П. Каверина, адъютанта П. Б. Мансурова, А. И. Якубовича, В. В. Энгельгардта, А. С. Пушкина и позднѣе его брата Льва [2]). Теперь мы должны прибавить къ нимъ кн. С. П. Трубецкого, Улыбышева, барона Дельвига, А. Г. Родзянко (по показанiямъ Трубецкого), полк. Жадовскаго, полк. Ѳ. Н. Глинку и Токарева. Пожалуй, къ нимъ нужно прибавить и Н. И. Гнѣдича [3]). Толстой, назвавъ поименно только трехъ, говоритъ о 20 членахъ или немногимъ болѣе. Намъ извѣстно сейчасъ 20 фамилiй.

О томъ, кто такiе были братья Всеволожскiе, Дм. Ник. Барковъ, Ѳ. Ф. Юрьевъ, М. А. Щербининъ, П. Б. Мансуровъ, В. В. Энгельгардтъ, А. Г. Родзянко, мы знаемъ изъ комментарiй къ сочиненiямъ Пушкина [4]). Только тутъ

1) Вольныхъ — отнюдь не распущенныхъ.

2) См. Б. Л. Модзалевскiй. Як. Ник. Толстой. С.-Пб. 1899, стр. 5—6.

3) О томъ, что Гнѣдичъ читалъ свои стихи въ кружкѣ, писалъ М. Н. Лонгинову Я. Н. Толстой въ 1856 году — см. Современникъ 1857, № 4 отд. V, стр. 266.

4) О Д. Н. Барковѣ см. въ статьѣ А. А. Чебышева въ „Пушкинѣ и его современникахъ". Вып. VI. С.-ПБ. 1908. Стр. 193, прим.

они и оставили свои фамиліи. Стоитъ подчеркнуть участіе въ кружкѣ „Зеленой Лампы“ Александра Дмитріевича Улыбышева, извѣстнаго знатока музыки, автора біографіи Моцарта, вышедшей въ 1843 году на французскомъ языкѣ. Въ періодъ „Лампы“ онъ служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и редактировалъ „Journal de St. Pétersbourg“, въ которомъ онъ помѣщалъ свои музыкальныя рецензіи. Искусство было главнымъ интересомъ жизни Улыбышева во всемъ ея теченіи. Нельзя не указать, что Улыбышевъ всегда высказывался противъ крѣпостного права[1]). О полковникѣ Жадовскомъ Б. Л. Модзалевскій любезно сообщилъ намъ слѣдующее: „Иванъ Евстафьевичъ Жадовскій служилъ въ л.-гв. Семеновскомъ полку; 11-го мая 1817 г. переведенъ изъ капитановъ Семеновскаго полка полковникомъ въ Гренадерскій короля Прусскаго (потомъ С.-Петербургскій Гренадерскій) полкъ; состоя въ этомъ же чинѣ, 25 марта 1819 г. уволенъ отъ службы „за ранами, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья“. Полкъ этотъ въ 1817—20 годахъ большею частью былъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ“ [2]).

Къ тому, что мы знаемъ о П. П. Каверинѣ, лейбъ-гусарѣ и Гёттингенскомъ студентѣ, нужно добавить, что онъ былъ членомъ Союза Благоденствія[3]). Наконецъ, князь

1) Объ У. см. ст. А. С. Гацисскаго въ „Русск. Арх.“ (1886, I, стр. 55 и слѣд.) и статью Лароша „О жизни и трудахъ У.“ въ приложеніи къ русскому изданію „Новой біографіи Моцарта“ въ переводѣ М. И. Чайковскаго. М. 1890 — 1891, т. I — II.

2) Очевидно, у брата этого Жадовскаго Анастасія Евстафьевича собирались лицеисты 19 октября. См. ст. К. Я. Грота въ „Ист. Вѣстн.“ (1905, іюль, 86).

3) Объ этомъ читаемъ въ извѣстномъ „Алфавитѣ“. Каверинъ въ виду того, что не принадлежалъ къ обществамъ, возникшимъ послѣ 1821 года, „оставленъ безъ вниманія“. Даты пребыванія Каверина въ Гёттингенскомъ университетѣ можно найти въ книгѣ M. Wischnitzer'a. Die Univ. Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des 19 Jahrh. Berlin. (E. Ebering). 1907.

С. П. Трубецкой, Я. Н. Толстой, Ѳ. Н. Глинка и умершій въ 1821 году въ Орлѣ въ должности губернскаго прокурора Александръ Андреевичъ Токаревъ были дѣятельнѣйшими членами „Союза Благоденствія“ въ то самое время, когда они появлялись въ собраніяхъ „Зеленой Лампы“. Все то, что мы теперь узнали о „Зеленой Лампѣ“, невольно наводитъ на мысль, что этотъ кружокъ былъ для нихъ мѣстомъ пропаганды ихъ идей. Отмѣтимъ, что предсѣдателемъ кружка былъ Я. Н. Толстой. Онъ и въ стихахъ Пушкина отличается отъ другихъ сочленовъ: къ нему Пушкинъ относится съ особымъ почтеніемъ.

Философъ ранній, ты бѣжишь
Пировъ и наслажденій жизни,
На игры младости глядишь
Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.

Ты милыя забавы свѣта
На грусть и скуку промѣнялъ
И на лампаду Эпиктета —
Златой Горацієвъ фіалъ.

Но нельзя ли еще подробнѣе опредѣлить тѣ отношенія, которыя привязывали членовъ тайнаго общества къ кружку „Зеленой Лампы?“

Въ цитованномъ нами „Краткомъ описаніи“ находимъ слѣдующее заключеніе о „вольныхъ обществахъ“: „По уставу Союза Благоденствія каждые десять членовъ Союза, составляющіе т. н. Управу, долженствовали заводить *вольныя общества*. Сіи общества, управляемыя однимъ или двумя членами Союза, коего существованіе имъ не открывалось, не входили въ составъ онаго. Имъ не была предназначена никакая политическая цѣль и отъ учрежденія ихъ ожидалась только та польза, что руководимыя своими основателями или начальниками, они особенною своею дѣятельностью по литературѣ, художествамъ и

такъ далѣе, могли бы способствовать достиженію цѣли Коренной Управы. Таковыхъ вольныхъ обществъ было заведено три: два л.-гв. въ Измайловскомъ полку, одно Семеновымъ (надворнымъ совѣтникомъ, служившимъ тогда л.-гв. въ Егерскомъ полку), другое кн. Евг. Оболенскимъ и Токаревымъ; третье полк. Ѳедоромъ Глинкою. Всѣ три существовали недолго и разрушились совершенно съ уничтоженіемъ Союза Благоденствія. Члены сихъ обществъ, не принадлежавшіе Коренной Управѣ Союза, ниже къ другимъ тайнымъ обществамъ, по Высочайшему повелѣнію не требовались къ слѣдствію и оставлены безъ вниманія".

Насъ сейчасъ, конечно, не интересуютъ указанныя вольныя общества; попробуемъ поставить вопросъ, не было ли вольнымъ обществомъ „Союза Благоденствія" и общество „Зеленой Лампы". Подъ опредѣленіе „вольнаго" оно подходитъ безъ всякихъ оговорокъ: одинъ изъ установителей — Я. Толстой, членъ Союза Благоденствія; существованіе послѣдняго не было открыто; особенной же своею дѣятельностью „Зеленая Лампа" могла бы способствовать достиженію цѣлей Союза.

Нужны бы только фактическія подтвержденія этого предположенія. Они найдутся въ запискахъ М. А. Фонвизина. „Члены Союза — пишетъ онъ — учреждали и отдѣльныя отъ него общества, подъ вліяніемъ его духа и направленія: таковы были общество военное, члены котораго узнавали другъ друга по надписи, вырѣзанной на клинкахъ шпагъ и сабель: „за правду", литературныя, — одно въ Москвѣ, другое въ Петербургѣ, послѣднее подъ названіемъ „Зеленой Лампы", и двѣ масонскихъ ложи" [1]). Мы довѣряемъ этому свидѣтельству, произне-

1) Обществ. движ. въ Россіи въ первую половину XIX в. Т. I. Декабристы М. А. Фонвизинъ, кн. Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель. С.-Пб. 1905, стр. 187, 188.

сенному не для слѣдователей и не въ застѣнкѣ. Но есть и другое современное указаніе на связь „Зеленой Лампы“ съ политическимъ обществомъ. Въ извѣстномъ доносѣ, поданномъ гр. Бенкендорфомъ имп. Александру I въ 1821 году и не получившемъ никакого хода, находимъ слѣдующія строки: „члены, приготовляемые мало-по-малу для Управы (Союза Благоденствія) или долженствовавшіе только служить орудіями, составляли Побочныя управы, подъ предсѣдательствомъ одного члена Коренной, — назывались для прикрытія разными именами (Зеленой Лампы и пр.) и, подъ видомъ литературныхъ вечеровъ или просто пріятельскихъ обществъ, собирались какъ можно чаще“ [1]).

На основаніи всѣхъ приведенныхъ данныхъ мы имѣемъ право установить связь „Зеленой Лампы“ съ „Союзомъ Благоденствія“. Мы лично принимаемъ кружокъ „Зеленой Лампы“ за „вольное общество“, но и несогласные съ нами именно въ этомъ не могутъ отрицать его связи съ „Союзомъ“. Кружокъ какъ бы являлся отображеніемъ Союза; невѣдомо для Пушкина, для большинства членовъ, Союзъ давалъ тонъ, сообщалъ окраску собраніямъ „Зеленой Лампы“. Пушкинъ не былъ членомъ „Союза Благоденствія“, не принадлежалъ ни къ одному тайному обществу, но и онъ въ кружкѣ „Зеленой Лампы“ испыталъ на себѣ организующее вліяніе тайнаго общества.

Этотъ выводъ чрезвычайно важенъ для исторіи жизни и творчества Пушкина 1818—1820 годовъ, ибо онъ устанавливаетъ тотъ уголъ зрѣнія, о которомъ мы говорили въ началѣ замѣтки. Басни же о „Зеленой Лампѣ“, рас-

---

1) Эта записка печаталась неоднократно, въ послѣднее время въ книгѣ М. К. Лемке „Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг.“ С.-Пб. 1908, стр. 576.

пущенныя П. И. Бартеневымъ и П. В. Анненковымъ, должны быть разъ навсегда устранены изъ біографіи Пушкина.

Но „Зеленая Лампа“, занимавшая до сихъ поръ только пушкинистовъ, получаетъ теперь интересъ и для историковъ русской общественности. Рисуя исторію общественнаго движенія 1816 — 1825 гг., историкъ не долженъ забыть и „Зеленой Лампы“ — этого „вольного общества“ Союза Благоденствія.

П. Е. Щеголевъ.

Сестрорѣцкъ.
Декабрь 1907 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Какъ мы сообщали выше, 26 іюля 1826 года Я. Н. Толстой обратился съ всеподданнѣйшимъ письмомъ, въ которомъ онъ разсказывалъ о своихъ отношеніяхъ къ тайнымъ обществамъ. Письмо было оставлено безъ отвѣта. 17 октября того же года Толстой отправляетъ уже всеподданнѣйшее прошеніе и прилагаетъ записку, въ которой съ нѣкоторыми дополненіями, подчеркивающими его лойяльность, повторяетъ свой разсказъ, изложенный въ письмѣ. Результатъ былъ тотъ, что 25 ноября 1826 года Толстой былъ уволенъ отъ службы съ сохраненіемъ чина. Такъ какъ письмо или записка заключаютъ показанія Толстого о тайныхъ обществахъ, въ дѣлахъ Слѣдственной Коммиссіи отсутствующія, и являются такимъ образомъ первоисточникомъ, то мы воспроизводимъ цѣликомъ письмо, указывая въ прямыхъ скобкахъ дополненія и измѣненія, сдѣланныя Толстымъ въ запискѣ. Прошенія Толстого отъ 17 октября не печатаемъ, такъ какъ историческаго матеріала оно не содержитъ, а характеризуетъ скорѣе личность самого Толстого—въ очень непривлекательныхъ чертахъ.

Къ показанію Я. Н. Толстого нужно отнестись критически. Онъ старается скрыть всякую принадлежность къ тайнымъ обществамъ и прикидывается ничего не понимающимъ мальчикомъ, между тѣмъ, по выраженію кн. Оболенскаго въ позднѣйшихъ запискахъ, онъ былъ „первоначальнымъ" членомъ, т.-е. членомъ Союза Благоденствія и не прекращалъ своихъ сношеній съ членами до самаго отъѣзда за-границу въ половинѣ 1823 года, т.-е. до начала организаціонныхъ засѣданій по реорганизаціи Сѣвернаго Общества. Изъ объясненій Толстого видно, что Ник. Ив. Тургеневъ дѣйствительно приглашалъ его,

по его — Толстого — выраженію, вступить въ общество, неизвѣстное ему даже по имени; въ дѣйствительности же не бросать Общества послѣ роспуска. Между прочимъ, Тургеневъ ссылается въ своей книгѣ (La Russie et les russes, t. I, pp. 197—198) на письмо Я. Толстого, въ которомъ тотъ сообщалъ Тургеневу, что его принялъ въ общество не Н. И. Тургеневъ, а Семеновъ. Письмо это Толстой написалъ 5 іюня 1827 года, а годомъ раньше, какъ мы теперь знаемъ, въ своемъ прошеніи онъ весьма опредѣленно обрисовалъ роль Тургенева. Въ Тургеневскомъ Архивѣ сохранилась переписка А. Ив. Тургенева съ Я. Н. Толстымъ, о которой упоминаетъ Н. И. Тургеневъ. Для сопоставленія приводимъ и ее, при чемъ письма А. И. Тургенева съ копій, а письма Я. Н. Толстого — съ подлинника. Вообще же надо замѣтить, что въ 1826 году Толстой уже приготовлялся къ той роли, въ какой мы знаемъ его позже.

Намъ кажется, что послѣ статьи Б. Л. Модзалевскаго о Я. Н. Толстомъ и матеріаловъ, опубликованныхъ нами раньше (во II-омъ вып. изд. „Пушкинъ и его современники") на личности и дѣятельности Толстого до 1825 года больше не придется останавливаться ни пушкинистамъ, ни историкамъ. Для исторіи же Толстого № 2-ой нужно будетъ разсмотрѣть кипы (буквально) его донесеній изъ Франціи, хранящихся нынѣ въ архивѣ III Отдѣленія (что нынѣ Департаментъ Полиціи). Быть можетъ, они представятъ даже интересъ для историковъ Франціи, ибо Толстой обстоятельно знакомилъ своихъ хозяевъ съ политической жизнью Франціи, съ революціями и сообщалъ даже „списки канальямъ" (буквально!), принимавшимъ въ нихъ участіе.

I.

Всеподданнѣйшее письмо Я. Н. Толстого отъ 26 іюля 1826 года.

Всемилостивѣйшій Государь!

Уповая на мудрое милосердіе Вашего Императорскаго Величества дерзаю изложить чистосердечное объясненіе касающееся до сношеній моихъ съ тайными обществами. „Сердце царево въ руцѣ Божіей", отъ коего проистекаетъ благодать и всякое милосердіе, а мы суть стадо ввѣренное Царскому попеченію, мы суть дѣти великаго семейства, надъ коимъ онъ поставленъ

главою отъ Бога; итакъ да окажетъ онъ намъ отеческое снисхожденіе.

Въ 1818 [или 1819 году] составилось общество въ домѣ камеръ-юнкера [Никиты] Всеволожскаго.—Цѣль онаго состояла въ чтеніи литературныхъ произведеній. — Я былъ одинъ изъ первыхъ [главнѣйшихъ] установителей сего общества и избранъ первымъ предсѣдателемъ. Оно получило названіе „Зеленой Лампы" по причинѣ лампы сего цвѣта, висѣвшей въ залѣ, гдѣ собирались члены. Подъ симъ названіемъ крылось однакоже двусмысленное подразумѣніе и девизъ общества состоялъ изъ словъ: *Свѣтъ* и *Надежда*; причемъ составлены [составились] также кольца, на коихъ вырѣзаны были лампы; члены обязаны были имѣть у себя по кольцу. Общество Зеленой Лампы [не взирая на то] не имѣло никакой политической цѣли. — Одно обстоятельство отличало его отъ прочихъ ученыхъ обществъ: статутъ приглашалъ въ засѣданіяхъ объясняться и писать [этого слова нѣтъ] свободно и каждый членъ давалъ слово хранить тайну [о существованіи онаго]. — За всѣмъ тѣмъ въ продолженіе года Общество Зеленой Лампы не измѣнилось и кромѣ нѣкоторыхъ республиканскихъ [вольнодумственныхъ] стиховъ и другихъ отрывковъ [подобныхъ статей] тамъ читанныхъ никакихъ вольнодумческихъ плановъ [никакихъ законопротивныхъ дѣйствій] не происходило. Число членовъ простиралось до 20 или немного болѣе [этой фразы нѣтъ].— Засѣданія происходили какъ я выше сказалъ въ домѣ Всеволожскаго, а въ отсутствіи его у меня. Однажды членъ отставной [этого слова нѣтъ] полковникъ Жадовскій объявилъ обществу, что правительство [полиція] имѣетъ о немъ свѣдѣнія и что мы подвергаемся опасности, не имѣя дозволенія на установленіе Общества. — Съ симъ извѣстіемъ положено было прекратить засѣданія и съ того времени общество рушилось. — Но изъ числа членовъ находились нѣкоторые, движимые политическими видами, и въ 1819 году (кажется) [и въ 1819 или 1820 году] коллежскій ассесоръ Токаревъ и полковникъ Глинка сошлись на квартирѣ перваго, пригласили меня и, присоединивъ къ себѣ князя Оболенскаго, титулярнаго совѣтника Семенова и прапорщика Катенина [послѣдней фамиліи нѣтъ] положили составить политическое общество подъ названіемъ *Добра и Правды*. Уложеніе уже было написано колл. асс. Токаревымъ: оно состояло въ прекращеніи всякаго зла въ государствѣ, въ

изобрѣтеніи новыхъ постановленій въ правительствѣ и наконецъ въ составленіи конституціи. [Уложеніе было уже заблаговременно написано Токаревымъ. Оно состояло въ томъ, что каждому члену поставлялось въ обязанность стараться искоренять зло въ государствѣ, заниматься изобрѣтеніемъ новыхъ постановленій, сочиненіемъ проэктовъ для удобнѣйшаго средства къ освобожденію крестьянъ и присвоеніи новыхъ правъ различнымъ сословіямъ государства, наконецъ въ сочиненіи полныхъ конституцій, приспособленныхъ къ нравамъ и обычаямъ народа]. Нѣсколько дней спустя послѣ сего сходбища Токаревъ назначенъ былъ прокуроромъ въ Орелъ и оставилъ Петербургъ [и вскорѣ послѣ того умеръ]. Съ отъѣздомъ его прекратилось и сіе общество. Годъ послѣ того (если не ошибаюсь) [Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того] коллежскій ассесоръ Капнистъ, съ коимъ познакомилъ меня кн. Оболенскій, предложилъ мнѣ вступить въ общество, составленное въ Измайловскомъ полку на тѣхъ же почти основаніяхъ [условіяхъ]. Я явился къ нему въ назначенный день; по видя изъ словъ его, что правила общества и составъ его были весьма неразсудительны, я не присоединился къ нимъ [но замѣтя, что Общество составлено по большей части изъ молодыхъ людей, коихъ неосновательныя сужденія обнаруживали незрѣлыя понятія о столь важномъ предметѣ; словомъ сказать, основаніе сего общества не сходствовало съ моими правилами; вслѣдствіе чего я рѣшительно отказался, не присоединился къ нимъ] и не былъ ни на одномъ засѣданіи, хотя въ донесеніи правительству я несправедливо названъ установителемъ сего общества [хотя въ донесеніи Слѣдственной Коммиссіи я названъ установителемъ сего общества, по показанію тит. совѣтника Семенова, который, я полагаю, ошибся или не совершенно помнитъ сего обстоятельства]. Въ одно и тоже время составилось другое подобное же общество въ домѣ офицера Измайловскаго полка Миклашевскаго. — Будучи приглашенъ къ нему на квартиру я нашелъ тамъ статскаго совѣтника Николая Тургенева, полк. фонъ-Бриггена, кн. Оболенскаго и титулярнаго совѣтника Семенова [Семенова и полковника Глинку]. Увлеченъ будучи убѣжденіемъ и краснорѣчіемъ перваго, я вступилъ въ ихъ сообщество, цѣль коего была постановленіе конституціи. — Однако же во время сего собранія я долго колебался находя основаніе несоотвѣтствующимъ моему образу мыслей. Несмотря

на то я противъ воли вступилъ и далъ подписку. [Я склонился на приглашенія ихъ и вступилъ въ Общество, названіе коего мнѣ даже неизвѣстно; но цѣль онаго была постановленіе конституціи; прежде нежели я далъ подписку, я долго колебался, съ жаромъ оспаривалъ ихъ въ томъ, что каждый членъ свободенъ оставить Общество, не подвергаясь мщенію прочихъ; я объявилъ имъ, что никогда не буду принадлежать сословію, гдѣ будутъ совершаться убійства; (тогда толковали только о мщеніи долженствующемъ воспослѣдовать за измѣну и предательство невѣрныхъ членовъ, но отнюдь и нисколько не помышляли объ ужасномъ Цареубійствѣ и даже о никакихъ насильственныхъ и законопреступныхъ мѣрахъ, коихъ я бы никакъ не допустилъ и въ случаѣ донесъ бы правительству съ пожертвованіемъ собственной жизни)]. На другой день назначено было сойтись у полк. Митькова, но я, чувствуя уже раскаяніе, не поѣхалъ къ нему. [но обмысливъ здраво, наканунѣ безумство и опасность нашихъ предпріятій, я къ нему не поѣхалъ]. Съ тѣхъ поръ клянусь Богомъ, честью и Государемъ моими, нога моя ни одного раза [ни однократно] не вступала въ сіи сословія и не взирая на убѣжденія прежнихъ моихъ товарищей [Тургенева, князей Оболенскаго и Трубецкаго] постоянно отказывался отъ сношеній съ ними. — Однажды объявилъ я Тургеневу [этого слова нѣтъ] на приглашеніе его, что не могу уже соучавствовать въ ихъ сходбищахъ, ибо далъ подписку правительству, что не буду принадлежать ни къ какимъ масонскимъ ни тайнымъ обществамъ. — Съ сего времени Тургеневъ совершенно ко мнѣ охладѣлъ и пересталъ ко мнѣ ходить; они называли меня недовольнымъ потому, что я часто жаловался на службу, на которую употребилъ 17 лѣтъ моей жизни, разстроилъ состояніе, утратилъ здоровье и не дослужилъ даже до штабъ-офицерскаго чина. [Вмѣсто послѣдней фразы, начиная съ сего времени читаемъ: Сіи обстоятельства были нѣкоторымъ образомъ причиною отъѣзда моего за-границу, гдѣ нахожусь близъ трехъ съ половиной лѣтъ, томимый жесточайшей болѣзнью и мучительнѣйшей горестью. Яковъ Толстой].

Вотъ въ чемъ состоитъ мое преступленіе; оправдывать я себя не дерзаю, но повергая участь мою къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества смѣю удостовѣрить, что ежели бы всѣ подданные были столь же преданы своему Государю, то конечно бы Россія благоденствовала и пагубныя

злоумышленія не возмутили бы ни разу дрогоцѣнныхъ минутъ царствованія Вашего Величества. Къ величайшему несчастію моему, жестокая болѣзнь лишаетъ меня средствъ доказать на дѣлѣ всю приверженность мою къ престолу.

Всемилостивѣйшій Государь!

В. И. В. вѣрноподданный Яковъ Толстой,

л.-гв. Павловскаго полка штабсъ-капитанъ.

Парижъ.
26 Іюля 1826 года.

II.

Письмо А. И. Тургенева (черновое) Я. Н. Толстому отъ 31 мая 1827 года.

Милостивый Г. М. Яковъ Николаевичъ,

Изъ рапорта слѣдственной Коммиссіи, такъ, какъ и изъ приговора верховнаго уголовн. суда, вамъ извѣстно, что братъ мой Н. Т. былъ обвиненъ и осужденъ между прочимъ и какъ распространитель тайнаго общества и что въ числѣ тѣхъ лицъ, коихъ, якобы, онъ принялъ въ члены общества, находитесь и вы. Вмѣстѣ съ симъ конечно дошли и до васъ слухи, что нѣкоторые почитали брата моего сочинителемъ какой то статьи о тайныхъ обществахъ, во франц. журналѣ: la France Chretienne напечатанной! Слухъ сей, вѣроятно повредившій брату моему въ лицѣ нашего правительства, дошелъ, чрезъ меня, и до брата. Въ объясненіи своемъ и въ письмахъ своихъ ко мнѣ онъ утверждаетъ, что никогда никакой статьи въ иностранныхъ журналахъ не печаталъ.

Братъ мой поручилъ мнѣ просить васъ, М. Г. мой, чтобы вы приняли на себя трудъ дать письменный отзывъ, были ли вы когда-нибудь приняты братомъ моимъ въ члены какого бы то ни было тайнаго общества.

Я же съ моей стороны, слышавъ, что тѣ же, кои прежде статью, во француз. журналѣ напечатанную, приписывали брату моему, впослѣдствіи показали, что она сочинена вами, рѣшилъ покорнѣйше просить васъ дать также письменный отзывъ: вы или кто другой сочинитель статьи, о которой я упомянулъ

выше [появленіе коей содѣйствовало, можетъ быть, весьма много бѣдствію, брата постигшему.

Сердцевидецъ слышитъ каждое слово, видитъ каждую мысль нашу. Онъ будетъ судить и васъ и судей вашихъ. Одна истина наконецъ торжествуетъ и только съ чистой совѣстью, не отягченною нещастіемъ ближняго, можно жить и умереть спокойно][1]). Съ полною довѣренностью къ вашимъ правиламъ буду ожидать вашей отзывъ и не скрою отъ Правл. Ген-ства.

Съ иск. поч. ч. и. б.
М. Г. М.
в. п. с. А. Т.

Парижъ Мая 31 дня.

III.

Отвѣтъ Я. Н. Толстого отъ 5 іюня 1827 года.

Милостивый Государь Александръ Ивановичъ!

Письмо, коимъ Вашему Превосходительству угодно было почтить меня прошлаго 31 Мая, заключаетъ въ себѣ слѣдующіе вопросы: — Во-первыхъ: былъ ли я когда-либо принятъ братомъ Вашимъ Николаемъ Ивановичемъ Тургеневымъ въ члены какого бы то ни было тайнаго Общества? На сіе честь имѣю отвѣтствовать: что никогда братомъ Вашимъ Николаемъ Ивановичемъ въ члены никакого тайнаго общества принятъ не былъ; а полагаю, что причины, подавшія поводъ сему заключенію Слѣдственной Коммиссіи и приговору верховнаго Уголовнаго Суда, основаны на слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ 1820 году Секретарь Семеновъ пригласилъ меня къ Г. Миклашевскому, служившему тогда Офицеромъ Л.-Гв. въ Измайловскомъ полку, съ тѣмъ, чтобы участвовать въ предполагаемомъ составленіи тайнаго Общества. Пришедъ къ помянутому Миклашевскому, я нашелъ тамъ, между прочими брата вашего; совѣщанья наши длились нѣсколько часовъ, въ продолженіе коихъ я отъ брата вашего не слыхалъ никакого предложенія о вступленіи въ составляемое общество и помню только, что

---

1) Фраза, поставленная въ [ ], перечеркнута.

онъ (братъ вашъ) предлагалъ и въ сужденіяхъ своихъ съ жаромъ поддерживалъ одинъ предметъ, цѣлью коего было освобожденіе крестьянъ; въ прочихъ преніяхъ онъ мало участвовалъ и, какъ мы всѣ тогда замѣтили, одна мысль господствовала и управляла его разговорами, сія мысль, о коей я уже упомянулъ, состояла въ освобожденіи крестьянъ. Впрочемъ, впродолженіе сего совѣщанія, никакой мятежной ниже преступной цѣли обнаруживано не было, сіе мнимое общество въ одно и то же время началось и прекратилось; ибо сіе было первое и послѣднее или лучше сказать единственное его засѣданіе; оно не имѣло никакого устава и не отличалось никакимъ названьемъ; правда, что на семъ совѣщаніи, по предложенію одного изъ присутствовавшихъ, требовали съ насъ подписки для храненія тайнъ касательно нашихъ совѣщаній, въ чемъ я и подписался, не знаю, послѣдовали ли прочіе моему примѣру.— Послѣ того неоднократно видѣлся я съ братомъ вашимъ Николаемъ Ивановичемъ; но никогда отъ него собственно не слыхалъ ничего относительно тайныхъ Обществъ; хотя, по увѣренію Секретаря Семенова, братъ вашъ препоручалъ будто бы ему убѣждать меня не оставлять общества: но еслибъ слова Семенова были справедливы, то почему жъ братъ вашъ, съ коимъ я часто видѣлся, самъ мнѣ о томъ никогда ни слова не говорилъ? Изъ сего я заключаю, что братъ вашъ отказался отъ участія въ тайныхъ обществахъ въ одно время со мною, т.-е.: послѣ данной нами правительству подписки въ томъ, что не будемъ принадлежать ни къ какимъ массонскимъ и тайнымъ обществамъ.

Во-вторыхъ: Касательно статьи напечатанной въ Парижскомъ журналѣ: La France Chrétienne, сочинителемъ коей по словамъ Вашего Превосходительства, нѣкоторые почитали первоначально брата вашего Николая Ивановича, а въ послѣдствіи подозрѣвали меня, я имѣю честь отвѣчать Вашему Превосходительству, что по мнѣнію моему, статья сія не могла быть сочинена Русскимъ, уповающимъ еще на справедливость и милосердіе Августѣйшаго Императора нашего, а вѣроятно родилась въ головѣ буйнаго и дерзкаго иностранца. Тотъ, кто дерзаетъ гордиться званіемъ изгнанника (такъ изъясняется сочинитель сей статьи) не можетъ быть Россіяниномъ, отрицающимъ помилованье; я же ласкаю себя надеждою, что та рука, которая укротила возмущенье и спасла отечество, прольетъ

также источники благодати и милосердія. Я съ моей стороны не могъ быть Авторомъ помянутой статьи также и по той причинѣ, что она напечатана здѣсь 10 апрѣля 1826, я же въ это время находился въ Неаполѣ, въ чемъ удостовѣриться можно по паспорту моему, выданному мнѣ въ Неаполѣ въ исходѣ Марта того же года. Пересылка возмутительной и противозаконной статьи изъ Неаполя въ Парижъ столько же затруднительна, какъ и пересылка изъ Петербурга въ сей послѣдній городъ, да и сверхъ того, въ Неаполѣ мы въ означенное время: т.-е., въ началѣ Апрѣля, не имѣли еще никакихъ свѣдѣній о слѣдственной коммиссіи, сочинитель же сей статьи говоритъ о труд. оной, какъ о дѣлѣ ему извѣстномъ.

Вотъ М. Г. отвѣты мои; въ истинѣ оныхъ ручаюсь честью и готовъ подъ присягою потвердить все то, что сказалъ Ваш. Превосх. въ семъ моемъ письмѣ.

Мил. Гос. Ваш. Прев.
всепокорн. слуга
Яковъ Толстой.

Парижъ.
5 Іюня 1827.

Его Пр — ву
Александру Ивановичу Тургеневу.

IV.

Письмо А. И. Тургенева Я. Н. Толстому (копія) 1830 года.

Милостивый Государь
Яковъ Николаевичъ!

За двѣ недѣли предъ симъ я сообщилъ брату копію съ письма вашего отъ 5-го Іюня 1827 года, въ коемъ вы утверждаете, что вы отъ брата моего никогда не слыхали никакого предложенія о вступленіи въ составляемое общество; но что секретарь Семеновъ приглашалъ васъ въ общество и что въ единственномъ засѣданіи, въ коемъ, по приглашенію Семенова, вы находились и видѣли брата моего, онъ ни о какихъ преступныхъ предметахъ не разсуждалъ, а говорилъ только о

пользѣ освобожденія крестьянъ; вмѣстѣ съ симъ вы, въ видѣ предположенія, упоминаете, что, вѣроятно, братъ мой отказался отъ участія въ Тайныхъ обществахъ въ одно время съ вами; то-есть послѣ данной правительству подписки въ томъ, что не будетъ принадлежать ни къ какимъ массонскимъ и тайнымъ обществамъ.

Братъ, прочитавъ нынѣ письмо ваше со вниманіемъ, отвѣчаетъ мнѣ, что онъ никогда не говорилъ объ учрежденіи новаго общества, и что этого и потому быть не могло, что въ 1820 году существовало еще старое общество и что, вѣроятно, секретарь Семеновъ предлагалъ вамъ о вступленіи въ старое общество. Желая привести сіи обстоятельства въ возможную ясность, я покорнѣйше прошу васъ Мил. Гос. мой удостоить меня отзывомъ на сіе письмо.

Подл. подп. Александръ Тургеневъ.

Парижъ 1830.

Съ подлиннымъ вѣрно Александръ Тургеневъ.

V.

Отвѣтъ Я. Н. Толстого отъ 6 мая 1830 года.

Милостивый Государь
Александръ Ивановичъ!

Я имѣлъ честь получить письмо Вашего Превосходительства, содержащее въ себѣ два вопроса, относящіеся къ поясненію прежняго письма моего, писаннаго къ Вамъ въ прошломъ 1827 году. Отвѣчая на оные вопросы, я потверждаю

Во-первыхъ: Что приглашалъ меня вступить въ Общество, не братъ вашъ, а Г. Семеновъ, который не ясно истолковалъ мнѣ, вновь ли составляется Общество или предлагаютъ мнѣ вступить въ старое, а потому я и думалъ, что дѣло идетъ о какомъ-нибудь еще не совершенно устроенномъ обществѣ; нынѣ же по внимательномъ прочтеніи рапорта слѣдственной коммиссіи я удостовѣрилъ, что общество, въ которое приглашалъ меня Секретарь Семеновъ, не что иное какъ старое, извѣстное подъ именемъ Зеленой книги.

Во-вторыхъ: Касательно предположенія моего, что братъ вашъ оставилъ общество въ одно время со мною, я разумѣлъ, что со времени единственнаго собранія, о коемъ я упоминалъ, происходившаго въ 1820 году на квартирѣ Миклашевскаго, братъ вашъ никогда со мною о никакихъ обществахъ не говорилъ; слѣдственно, полагаю совершенно отъ оныхъ отказался.

Подписка же, данная въ послѣдствіи правительству, вѣроятно для брата вашего, такъ какъ и для меня запечатлѣла твердыя намѣренія наши впредь никогда не участвовать ни въ какихъ обществахъ.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ,
честь имѣю быть милостивый Государь
Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Яковъ Толстой.

Парижъ.
6 Маія
1830 года.

Его Превосходительству
Александру Ивановичу
Тургеневу.

Мелочи.

1.

Немало злостныхъ выходокъ противъ отношенія Пушкина къ научной истинѣ вызывали слѣдующіе стихи въ его поэтическомъ разговорѣ „Герой", который и снабженъ эпиграфомъ „Что есть истина?":

Да будетъ проклятъ правды свѣтъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно! Нѣтъ,
Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

Поводомъ къ этому проклятію „свѣта правды" и униженію „истины" передъ „обманомъ" послужило, какъ извѣстно, опровергнутое Бурьеномъ преданіе, будто Наполеонъ во время своего пребыванія въ Яффѣ посѣтилъ чумный лазаретъ, разговаривалъ съ больными и даже касался ихъ. Что Пушкинъ не только умѣлъ цѣнить по достоинству научную истину, но и самъ старался объ ея выясненіи, напр. въ Исторіи Пугачевскаго бунта, писаной на основаніи собранныхъ его собственными усиліями, по большей части неизданныхъ матеріаловъ, что въ данномъ мѣстѣ онъ говоритъ не о научной истинѣ самой по себѣ, какъ необходимомъ элементѣ науки въ рукахъ

спеціалиста, а лишь объ ея воспитательномъ значеніи для общаго образованія и нравственнаго развитія человѣческой личности помимо ея научныхъ интересовъ, что ни цѣли, ни средства поэзіи не совпадаютъ въ частности съ задачами и методами науки, что Пушкинъ оговоркой объ угожденіи завистливой и падкой на клевету посредственности принялъ достаточныя мѣры къ огражденію своей мысли отъ перетолкованій со стороны той-же злорадной посредственности, — все это, кажется, ясно и понятно безо всякихъ доказательствъ и объясненій. И все-таки Пушкинъ, можетъ быть, не высказался-бы такъ опредѣленно и рѣзко, если-бы не нашелъ той-же мысли у одного изъ своихъ предшественниковъ. Первообразъ этихъ стиховъ былъ недавно указанъ у Виланда, но едва-ли вѣрно, потому что у Пушкина нигдѣ, кромѣ одного, легко объяснимаго исключенія, — „Сцены изъ Фауста", не замѣчается вліяніе не только Виланда, но и нѣмецкой поэзіи вообще, если не считать, напр., простого упоминанія Клопштока въ „Бовѣ" —

> Разбиралъ я Нѣмца Клопштока
> И не могъ понять премудраго, —

того знаменитаго тогда Клопштока, котораго, какъ и Геснера, Пушкинъ читалъ, вѣроятно, на ученической скамьѣ, а впослѣдствіи помнилъ почти только по скукѣ, вынесенной имъ изъ этого занятія. Гораздо правдоподобнѣе, что въ основѣ приведеннаго выше мѣста изъ стихотворенія „Герой" лежитъ воспоминаніе о тѣхъ стихахъ, которыми Вольтеръ,

> Поэтъ въ поэтахъ первый,

какъ его величаетъ Пушкинъ въ „Городкѣ", заключилъ свою сатиру „Ce qui plait aux dames":

> On a banni les démons et les fées;
> Sous la raison les grâces étouffées

Livrent nos coeurs à l'insipidité;
Le raisonner tristement s'accrédite;
On court, hélas! après la vérité:
Ah, croyez-moi, l'erreur a son mérite.

Непосредственно могли послужить Пушкину лишь два послѣднихъ стиха, но для освѣщенія какъ мысли Вольтера, такъ и зависимости отъ нея разсужденія Пушкина не менѣе важны и предшествующіе, которые способны также дать

посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной

дешевое оружіе противъ ихъ автора: онъ унижаетъ la raison передъ les grâces. Но, ужь конечно, не Вольтера можно упрекнуть въ презрѣніи къ разуму, и то обстоятельство, что онъ, говоря о давленіи разума на изящество, имѣлъ въ виду не то духовное начало, которое называется разумомъ въ философіи, т.-е. не высшій критерій всякой истины, а разрушительное вторженіе этой способности въ область творческой фантазіи, простодушной вѣры и безсознательнаго чувства, подтверждается отчасти замѣной существительнаго raison ниже глаголомъ raisonner, который значитъ не только „разсуждать", но и „умничать", откуда raisonneur „умникъ (въ насмѣшливомъ смыслѣ), охотникъ до неумѣстныхъ разсужденій". Согласно съ этимъ слѣдуетъ здѣсь понимать и слова verité и erreur — какъ „дѣйствительность" и „воображеніе", и, если Вольтеръ употребилъ именно эти слова, а не болѣе соотвѣтствующія его основной мысли realité и fantaisie, то это можно объяснить его шаловливой насмѣшливостью, которая и помимо этого случая выражалась въ поддразниваніи читателя кажущимся софизмомъ. Этимъ-то внѣшнимъ, такъ сказать — словеснымъ софизмомъ воспользовался Пушкинъ, но, опираясь на авторитетъ своего

источника, воспроизвелъ полу-шуточную выходку предшественника уже въ серьёзной и даже патетической формѣ.

2.

Зналъ-ли Пушкинъ по-итальянски? У него есть подражанія итальянскимъ поэтамъ и даже какъ будто переводы изъ нихъ, но ни въ одномъ изъ этихъ примѣровъ не замѣтно такой близости къ первообразу или подлиннику, которая-бы исключала мысль о посредствѣ перевода на другой, безспорно знакомый Пушкину языкъ, а именно — скорѣе всего — французскій. Встрѣчаются у него отдѣльныя итальянскія слова, которыя сами по себѣ, конечно, ничего не даютъ для поставленнаго выше вопроса, и цѣлыя фразы, но сочиненныя не имъ, такъ какъ это или заглавія, какъ въ „Египетскихъ ночахъ", или эпиграфы, какъ въ „Каменномъ гостѣ" (изъ либретто оперы „Донъ-Жуанъ"), или поговорки, какъ въ „Путешествіи въ Арзрумъ" (гл. II: „Азіатскіе банщики приходятъ иногда въ восторгъ, вспрыгиваютъ вамъ на плеча, скользятъ ногами по бедрамъ и пляшутъ на спинѣ въ присядку, e sempre bene") при почти полномъ отсутствіи цитатъ изъ писателей, что̀ кажется особенно знаменательнымъ въ виду довольно многочисленныхъ дословныхъ выписокъ французскихъ, англійскихъ и даже латинскихъ, не смотря на его собственное увѣреніе, впрочемъ, далеко не справедливое, что онъ забылъ латинскій языкъ. Исключеніе — цитата въ „Метели", гдѣ объ отношеніи Марьи Гавриловны къ Бурмину сказано, между прочимъ, слѣдующее: „но поэтъ, замѣтя ея поведеніе, сказалъ бы:

Se amor non è, che dunche?...".

Эта цитата очень характеристична для степени знакомства Пушкина съ итальянскимъ языкомъ и его пись-

менностью въ подлинникѣ. Пушкинъ не называетъ поэта, слова котораго приводитъ, хотя не видно причины, почему онъ умолчалъ его имя, если зналъ его. Этотъ поэтъ — Петрарка, и выписанныя Пушкинымъ слова составляютъ начало перваго стиха LXXXVIII-аго сонета изъ числа написанныхъ при жизни Лавры (In vita di Madonna Laura):

S'amor non è, che dunque è quel ch' i' sento?

Почему Пушкинъ урѣзалъ конецъ стиха? не потому-ли, что хотѣлъ избѣжать перваго лица? Но, если онъ не назвалъ автора умышленно, чтобы выразить отношеніе поэта вообще, а не какого-либо опредѣленнаго, къ даннымъ признакамъ чувства, ему стоило-бы только измѣнить „ch'i' sento" въ „che sente", — разумѣется, если онъ зналъ итальянскій языкъ грамматически, какъ онъ зналъ языки французскій, англійскій, латинскій и — болѣе или менѣе — нѣмецкій. Но это представляется мало вѣроятнымъ въ виду неправильнаго написанія служебнаго, слѣдовательно — значащагося въ грамматикѣ слова „dunche" вмѣсто „dunque", т.-е., по звукамъ, *дýнкэ* вмѣсто *дýнкўэ*. Откуда эта странная ошибка? Вѣроятно, Пушкинъ нашелъ свою цитату за-долго до того, какъ написалъ „Метель" (что̀ было, повидимому, въ 1830 г.), — можетъ быть еще до своей поѣздки въ Одессу, гдѣ онъ могъ часто слышать итальянскую рѣчь, — нашелъ ее въ какой-нибудь французской книжкѣ, гдѣ стихъ Петрарки могъ быть обрѣзанъ тѣмъ легче, что оказавшееся въ концѣ цитаты „che dunque" соотвѣтствуетъ точь въ точь французскому „quoi donc?", при помощи своихъ познаній во французскомъ и латинскомъ языкахъ понялъ ее правильно, но прочелъ que въ „dunque" по-французски, т.-е. за *кэ*. Такъ какъ Пушкинъ обладалъ превосходной памятью, эта цитата могла удержаться у него въ умѣ — по

звукамъ, а не по написанію — въ теченіе многихъ лѣтъ и подвернуться ему подъ перо въ то время, когда онъ описывалъ сдержанное, но, очевидно, небезразличное отношеніе Марьи Гавриловны къ увлекшемуся ею Бурмину. Учась постоянно, то сознательно и усидчиво, то случайно, на ходу, онъ успѣлъ къ тому времени узнать, что звукосочетаніе *кэ* выражается по-итальянски буквами che, и вотъ, припомнивъ усвоенные имъ нѣкогда звуки итальянскаго выраженія мысли: „если это не любовь, то что-же?", онъ написалъ „dunche".

Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ выводъ долженъ быть, кажется, таковъ: Пушкинъ понималъ по-итальянски на столько, на сколько можетъ способный и сообразительный человѣкъ понимать языкъ, схожій съ другими двумя ему извѣстными языками, но которому онъ никогда не учился и на которомъ ему приходилось разбирать только случайно попавшіяся ему фразы и цитаты.

3.

Въ 1823 г. Пушкинъ, находясь въ Одессѣ, написалъ по поводу своихъ отношеній къ г-жѣ Ризничъ элегію „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты", гдѣ онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
Наединѣ заставъ меня съ тобой,
Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?...
Что жъ онъ тебѣ? Скажи, какое право
Имѣетъ онъ блѣднѣть и ревновать?...
Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣта,
Безъ матери, одна, полуодѣта,
Зачѣмъ его должна ты принимать?...

Этотъ соперникъ — повидимому, болѣе или менѣе счастливый — былъ, говорятъ, нѣкто Собаньскій, судя по

фамиліи, Полякъ и при томъ шляхтичъ. Въ 1825 г., если еще не въ концѣ 1824-го, Пушкинъ, живя уже въ Михайловскомъ, припомнилъ этого непріятнаго ему человѣка при работѣ надъ той сценой „Бориса Годунова", въ которой онъ изображаетъ пріемъ у Самозванца въ краковскомъ домѣ Вишневецкаго:

Ты кто такой?

Полякъ.

Собаньскій, шляхтичъ вольный.

Самозванецъ.

Хвала и честь тебѣ, свободы чадо!
Впередъ ему треть жалованья выдать.

На томъ-же пріемѣ Самозванецъ о незнакомомъ ему молодомъ Курбскомъ спрашиваетъ Гаврилу Пушкина:

Но кто, скажи мнѣ, Пушкинъ,
Красавецъ сей?

и затѣмъ вступаетъ съ Курбскимъ въ длинный разговоръ объ его знаменитомъ отцѣ. О новыхъ русскихъ перебѣжчикахъ онъ освѣдомляется такъ:

Но эти кто? я узнаю на нихъ
Земли родной одежду. Это наши

и ободряетъ ихъ обѣщаніемъ расплаты съ Борисомъ за претерпѣнныя ими отъ него обиды. Поэта, который своимъ видомъ, вѣроятно, рѣзко отличался отъ пришедшихъ къ Самозванцу „просить меча и службы", приблизился къ нему съ низкимъ поклономъ и, схвативъ его за-полу, обратился къ нему съ пышнымъ привѣтствіемъ:

Великій Принцъ, Свѣтлѣйшій Королевичъ!,

онъ спросилъ, очевидно, съ неудомѣніемъ:

Что хочешь ты?,

а потомъ, получивъ отъ него латинскіе стихи, прославляетъ поэзію и поэтовъ и даритъ ему перстень. Козака Карелу, личность по внѣшности не легко опредѣлимую среди пестрой толпы всякаго вооруженнаго люда, стекавшагося подъ знамена такого крупнаго искателя приключеній, Самозванецъ спрашиваетъ коротко и сухо:

Ты кто?,

но, узнавъ, что Карела посланъ къ нему съ поклономъ отъ Донскихъ козаковъ, выражаетъ благодарность Донцамъ и обѣщаетъ пожаловать ихъ. И такъ никто изъ представляющихся Самозванцу не получаетъ отъ него такого короткаго отвѣта, какъ Собаньскій. Да и не только короткаго, а и презрительнаго. Правда, презрѣніе въ немъ прикрыто небрежной лестью тому признаку общественнаго положенія, который составляетъ предметъ гордости даже почти нищаго шляхтича передъ хлопомъ,—свободѣ, и непосредственно за этой похвалой слѣдуетъ пріятное для бѣдняка распоряженіе о выдачѣ ему трети жалованья впередъ; но это самое распоряженіе, послѣ котораго Самозванецъ тотчасъ отвертывается отъ Собаньскаго, очевидно, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что такому сподвижнику больше ничего не нужно, ясно показываетъ, каково было его мнѣніе объ этомъ новобранцѣ. Зналъ-ли Пушкинъ, что предки его соперника въ XVII в. принадлежали къ мелкой шляхтѣ, однодворческой (zagrodowa) или поселковой (zaściankowa), въ родѣ той, какую описалъ Мицкевичъ въ шестой книгѣ „Пана Тадеуша“? Невозможнаго въ этомъ нѣтъ, если онъ, невольно обративъ особенное вниманіе на Собаньскаго и будучи самъ далеко не свободенъ отъ сословныхъ предразсудковъ, собиралъ

о немъ свѣдѣнія у общихъ знакомыхъ-Поляковъ. Впрочемъ, къ тому времени родъ Собаньскихъ успѣлъ уже занять довольно видное мѣсто въ польскомъ обществѣ. Какъ-бы то ни было, въ Собаньскомъ „Бориса Годунова" естественно видѣть замысловатую, хоть и довольно безобидную, месть тому Собаньскому, который года за два передъ тѣмъ причинилъ, повидимому, немало страданій ревнивому поэту.

Но чуть-ли не болѣе тяжко отомстилъ за него Собаньскому другой поэтъ, самъ того не сознавая. Въ то время, какъ Пушкинъ писалъ „Бориса Годунова" въ Михайловскомъ, въ Одессѣ гостилъ Мицкевичъ. Тамъ онъ познакомился съ Каролиной Ржевуской, сестрой извѣстнаго романиста Генриха Ржевускаго, бывшей за-мужемъ за Гіеронимомъ Собаньскимъ. Мицкевичъ страстно влюбился въ нее, и вскорѣ любовь его увѣнчалась успѣхомъ, впрочемъ не на долго, потому что эта особа, столь-же привлекательная, какъ непостоянная, легко мѣняла своихъ поклонниковъ и даже мужей, которыхъ у нея послѣ Собаньскаго было трое. Мицкевичъ, воспѣвъ ее въ нѣсколькихъ превосходныхъ стихотвореніяхъ, раздѣлилъ судьбу всѣхъ тѣхъ мужчинъ, которые временно пользовались ея милостями, и тогда, разочаровавшись въ ней, выразилъ ей свое презрѣніе въ язвительномъ сонетѣ „Прощанье" (Pożegnanie) и потомъ, распространивъ это чувство на всѣхъ женщинъ, — въ сонетѣ „Данаиды" (Danaidy).

Вопросъ только въ томъ, тождественъ-ли первый мужъ Каролины Ржевуской съ соперникомъ Пушкина въ ухаживаніи за г-жей Ризничъ.

Ө. Коршъ.

Судьба одного нѣмецкаго перевода „Клеветникамъ Россiи".

Не столько интересенъ печатаемый ниже самый переводъ „Клеветникамъ Россiи", сколько обстоятельства, вызвавшiя его появленiе въ Россiи. Онъ присланъ былъ въ началѣ 1832 года русскимъ дипломатомъ графу Нессельроде, нашему министру иностранныхъ дѣлъ, при слѣдующемъ письмѣ, на половину официальномъ, на половину частномъ.

à S. E. Mons-r le comte de Nesselrode.

Monsieur le comte!

Vous trouverez singulier sans doute, que j'ôse remplacer la matière ordinaire d'un rapport de service par un morceau de poésie, mais nous sommes tellement inondés d'articles de la plus infâme calomnie déversés sans cesse sur la Russie par certaines gazettes et surtout par la feuille incendiaire le West-Bote, imprimée dans les états Bavaroies, que l'on saisit avec empressement une pièce faite pour rafraichir le coeur. Elle est pleine de verve et d'images. Je ne pense pas que la traduction soit au-dessous de l'original: c'est un contre-poison aux élucubrations pestifères de nos jacobins d'Allemagne.

Quoiqu'il en soit une proposition présidiale faite dans les dernières séances de la Diète, d'un commun accord entre l'Autriche et la Prusse atteindra enfin, je l'espère, la licence de la presse qui ne connait plus de frein dans la plupart des états de la Con-

fédération. Les premières décisions porteront sur Bade qui a donné l'exemple le plus pernicieux en décrétant par une loi la liberté illimitée de la presse, sans égard pour les obligations que le gouvernement a positivement contractées en 1819. Si les décisions de la Diète sont suivies d'exécution, le grand duc sera forcé de faire rapporter la loi en question, et il se trouvera par le fait dans une difficile alternative entre le pays et la Confédération: Il reconnaîtra alors la position où l'a jetté un ministère jacobin auquel il a cédé par timidité, faiblesse, inexpérience, plutôt que par principes.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute considération

Monsieur le comte

de votre excellence

le très humble et très obéissant serviteur

d'Ansteet.

А вотъ и самый переводъ, который долженъ былъ утѣшить русскаго министра.

An Rußlands Lästerer von Puschkin.

Was tobt Ihr auf den Rednerbühnen,
Woher der Groll, mit dem Ihr gegen Rußland schäumt?
Vielleicht, weil Litwa sich in wildem Aufstand bäumt?
Es ist der Slawen Fehde, überlaßt sie ihnen,
Sie ist verjährt wie dieses Volks Geschichten;
Nicht Euch gebührt es sie zu schlichten;
Sie kündet schon der Vorzeit Sage,
Des Alterthumes Brüder Zwist,
Bald schwankte so, bald so die Wage,
Bald siegte Tapferkeit, bald List.
Wen krönt am Ziel der blut'ge Kampfgewinn?
Des Polen Trotz, des Russen treuen Sinn?
Soll aller Slawen Bächlein Heer
Den Weg zum Russen-Meere finden?
Wie? oder soll dies Riesen-Meer
In einen Regen-Tropfen schwinden?
Laßt uns! Euch wurden sie nicht kenntlich.
Die Blut-Urkunden grauer Zeit

Euch bleibt er fremd und unverständlich
Der alternde Familien-Streit.
Des Kreml's und Pragas stummes Mahnen
Vernehmt ihr nicht. Vom Bürger-Krieg
Berauscht, schwingt Ihr des Aufruhrs Fahnen,
Sinnlos, und neidet uns den Sieg.
Warum? Gesteht es! Ist's vielleicht,
Weil wir auf Moskwas Brand-Ruine
Nicht huldigten dem Mann, vor dessen bloßer Miene
Ihr schon gezittert und erbleicht?
Weil wir mit nie gebeugtem Muthe
Den Götzen stürzten, der die Throne unterjocht,
Und weil der Russe mit des Herzes-Blute
Europa Freiheit,—Ehr und Frieden einst erfocht?
Ihr dräut mit Worten uns!—Leiht Thaten Euerem Witze,
Ist etwa von der Rast des Ritters Arm erschlafft,
Ist stumpf des Ismailschen Bajonettes Spitze,
Hat Rußlands Kaiser-Wort nicht mehr gewohnte Kraft?
War mit Europa denn etwa der Kampf uns neu?
Wie! oder ward der Sieg den Russen ungetreu?
Sind wir zu schwach?—Von Perm zu Tauriens Gestaden,
Von Finnlands Felsenhort, bis Kolchis Lorbeer Pfaden,
Vom Kreml, der fest in Flammen stand
Bis zu des starren Chinas Wand,
Wird nicht, von Waffenglanz umgeben
Ruthenia sich jugendlich erheben?
Entsendet Euren Redner Bühnen
Der wuthentbrannten Jünger-Schaar!
Gern bietet Rußland Stätten ihnen
Im Kreise trauter Gräber dar!

Im August 1831.

Необходимо сдѣлать нѣкоторыя поясненія. Авторъ письма—баронъ Иванъ Осиповичъ Анстетъ (1770—1835), одинъ изъ видныхъ русскихъ дипломатовъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ былъ нашимъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Германскомъ Союзѣ, во Франкфуртѣ на Майнѣ, при дворѣ

Штуттгартскомъ и, наконецъ, при Гессенъ-Кассельскомъ дворѣ. Времена были тогда трудныя: русская дипломатія, слѣдуя внушеніямъ Меттерниха, вдохновляла и поддерживала западно-европейскую реакцію. Послѣ польскаго возстанія рвеніе русскихъ дипломатовъ еще болѣе усилилось. Но революція 1830 года дала нѣкоторый успѣхъ нѣмецкимъ либераламъ, и какъ разъ въ Баденѣ и Баваріи обнаружилось даже оживленіе политической жизни, смягченіе цензурныхъ строгостей. Радикальная пресса стала печатать многочисленныя статьи, крайне враждебныя русскимъ и сочувственныя полякамъ. Съ подавленіемъ польскаго возстанія союзный сеймъ вновь обрѣлъ силу бороться съ печатью.

Въ іюнѣ — іюлѣ 1832 года сеймъ издалъ рядъ постановленій, уничтожавшихъ свободу печати. Эта перемѣна особенно тяжело отозвалось на Баденѣ. Великій герцогъ Баденскій Леопольдъ 24 декабря 1831 года утвердилъ принятый палатой законъ о свободѣ печати, но подъ давленіемъ Сейма 28 іюля 1832 года объявилъ его недѣйствительнымъ. Тѣ министры, которые больше другихъ содѣйствовали прогрессивнымъ реформамъ (Велькеръ), должны были уйти. Объ этомъ положеніи дѣлъ и упоминаетъ Анстетъ.

Столь непріятный русскому дипломату листокъ „Westbote" издавалъ какъ разъ одинъ изъ якобинцевъ, по выраженію Анстета, извѣстный политическій писатель и одинъ изъ передовыхъ бойцовъ въ нѣмецкомъ освободительномъ движеніи д-ръ Ф. Я. Зибенпфейфферъ (1789—1845), испытавшій многочисленныя преслѣдованія, въ томъ числѣ и тюремное заключеніе. „Westbote" выходилъ съ апрѣля 1831 года, подвергаясь неоднократнымъ конфискаціямъ, а 2 марта 1832 года Союзнымъ Сеймомъ изданіе было запрещено, и Зибенпфейфферу на 5 лѣтъ было воспрещено заниматься редактированіемъ подоб-

ныхъ изданій. Правда, баварское правительство разрѣшило ему продолжать изданіе послѣ его заявленія о согласіи подчиниться правительственной цензурѣ.

О самомъ переводѣ можно сказать только то, что онъ далеко не на высотѣ подлинника. Переводы этого же стихотворенія, сдѣланные Боденштедтомъ и Фидлеромъ, много лучше.

П. Щеголевъ.

Еще о пѣснѣ Варлаама.

(Поправка къ замѣткѣ г. В. Чернышева).

Въ V выпускѣ повременнаго изданія „Пушкинъ и его современники“ помѣщена замѣтка г. В. Чернышева „Пѣсня Варлаама“. Здѣсь авторъ приводитъ въ двухъ варіантахъ полный текстъ пѣсни „Какъ во городѣ было во Казани...“, которую поетъ Варлаамъ въ сценѣ „Корчма на Литовской границѣ“ („Борисъ Годуновъ“). Признавая настоятельной необходимостью, при изученіи жизни и творчества писателя, дѣлать возможно подробныя изслѣдованія и всѣхъ источниковъ, которыми онъ пользовался, можно лишь привѣтствовать всѣ разысканія этого рода. Но нельзя не отмѣтить нѣкоторыя неточности, которыя допустилъ г. В. Чернышевъ въ своихъ замѣчаніяхъ, сопровождающихъ тексты приводимой имъ пѣсни.

„Это „монашеская“, „черническая“ пѣсня, а собранія такихъ пѣсенъ у насъ не имѣется. Поэтому данную пѣсню мы не отыщемъ ни у Соболевскаго въ „Великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ“, ни у Шейна, предполагавшаго печатать „чернеческія“ пѣсни во II томѣ своего „Великорусса“, до изданія котораго онъ не дожилъ“. Такъ пишетъ г. В. Чернышевъ. Но онъ ошибается. Повидимому, ошибка его произошла главнымъ образомъ потому, что, считая „чернеческія“ (?) пѣсни за какую-то

особую группу, онъ не пересмотрѣлъ подробно тѣхъ авторовъ, на которыхъ ссылался. Здѣсь, конечно, не мѣсто разсуждать о раціональности той или иной группировки пѣсенъ, поэтому я и ограничусь лишь указаніемъ на то, что въ VII томѣ „Великорусскихъ народныхъ пѣсенъ", изданныхъ академикомъ А. И. Соболевскимъ, помѣщено *семь* варіантовъ (въ двухъ редакціяхъ) пѣсни: „Какъ во городѣ было во Казани" — №№ 337—343.

Помѣщенъ тамъ и варіантъ, извлеченный изъ Пѣсенника Новикова 1780 года. Другіе варіанты даютъ нѣкоторыя интересныя разночтенія и подробности. Изъ Пермской губ. (*Шишонко*, стр. 268):

Какъ во городѣ, во городѣ во Казани
Молодой чернецъ да постригся.
Что по три годы чернецъ Богу молился;
На четвертый-то годъ да взвеселился.
Захотѣлось черночищу да погуляти
По всѣмъ улицамъ да по широкимъ,
Что по тѣмъ частымъ да по переулкамъ
Въ встрѣчу (2) черночищу притолпище,
Притолпище (2) — все старушки.
Всѣ старушки черночищу поклонились.

Далѣе, въ такихъ же выраженіяхъ описывается встрѣча чернеца съ молодками и дѣвицами.

Варіантъ, записанный Снегиревымъ въ Пензенской и Симбирской губ., отмѣчаетъ различное отношеніе чернеца къ встрѣчѣ. Казанскій варіантъ, записанный Магницкимъ, представляетъ собою небольшой отрывокъ разложившейся уже пѣсни.

Остальные три варіанта, приведенные у А. И. Соболевскаго (№№ 341—343), уже не имѣютъ характернаго начала съ упоминаніемъ города Казани, а окончанія ихъ явно приспособлены для „игры" или же осложнены прибавками изъ другихъ „игровыхъ" пѣсенъ.

Пишетъ также г. В. Чернышевъ, что эта пѣсня „*немногимъ*[1]) извѣстна... Да трудно ее и найти“. Но найти ее можно въ цѣломъ рядѣ сборниковъ пѣсенъ: въ Пѣсенникѣ 1780 года, у Прача, Снегирева, Шишонко, Магницкаго, Прокунина, Ефименко, въ „Воронежск. Губ. Вѣд.“ 1851 г., № 18. Почти все сборники, хорошо извѣстные даже и не спеціалистамъ. Распространенность ея тоже, очевидно, довольно широкая. Пѣсня была записана въ губ. Архангельской, Воронежской, Казанской (Чебоксарскаго у.), Пензенской, Пермской, Симбирской и Тамбовской. Самъ г. В. Чернышевъ приводитъ запись ея изъ Владимірской губ., а у меня имѣются записи изъ Костромской и Ярославской. Районъ довольно обширный.

Что же касается самого Пушкина, то, вѣроятно, онъ выбралъ подходящую для своей цѣли пѣсню прямо изъ „Пѣсенника“ Новикова.

Николай Виноградовъ.

---

1) Курсивъ нашъ.

Замѣтки о Пушкинѣ.

I.

Арина Родіоновна и няня Дубровскаго.

Иногда приходится слышать замѣчаніе, съ перваго взгляда довольно справедливое, что во всеобъемлющей лирикѣ Пушкина, „генія все любившаго, все въ самомъ себѣ вмѣстившаго“, вовсе нѣтъ отраженія личнаго сыновняго чувства, любви дитяти къ матери. Дѣйствительно, судьба поставила Пушкина въ такія отношенія къ родителямъ, что любить свою мать всѣми силами сердца онъ не могъ. Отъ матери онъ не видѣлъ ласки: его дѣтскую головку часто прижимала къ своей груди и ласкала бабушка, Марія Алексѣевна Ганибалъ, а мать ему замѣнила Арина Родіоновна, которая научила его уважать русскую женщину, первая ввела его въ тотъ міръ, гдѣ онъ нашелъ Татьяну и Машу Миронову и связала его сердце съ народной душою. Ея вліяніе на ея питомца и друга было такъ велико, роль ея въ его жизни и творчествѣ такъ значительна, что Арина Родіоновна, право, стоитъ особаго очерка, котораго ждетъ — не дождется эта прекрасная русская женщина, усладившая своими разсказами полузаброшенное дѣтство геніальнаго мальчика, коротавшая съ нимъ долгіе вечера въ его деревенскомъ заточеніи,

любившая Пушкина и любимая имъ какъ мать. Онъ и звалъ ее „мамой“ („Журн. Мин. Нар. Просв.“, т. 103, стр. 145).

Арину Родіоновну мы находимъ въ нянѣ Татьяны и Ольги, въ княгининой мамкѣ („Русалка“), отчасти въ карлицѣ Ласточкѣ („Арапъ Петра Великаго“), въ нянѣ молодого Дубровскаго. Для Пушкина няня была не только нѣжной пѣстуньей, преданнымъ другомъ: въ ней онъ нашелъ истинно-національный типъ, который исчерпалъ до дна. Ея преданность и нѣжность такъ глубоко врѣзались въ его сердце, жаждавшее любви и ласки, что онъ запечатлѣлъ даже отдѣльныя проявленія любви своей няни, умилявшія его своей трогательной наивностью, и эти черты отразилъ въ своемъ творчествѣ. Повторяю — объ Аринѣ Родіоновнѣ слѣдуетъ написать особую статью, и, чтобы отъ изслѣдователя не ускользнула очень интересная подробность, хочу посвятить нѣсколько строкъ одной „няниной реминисценціи“, если можно такъ выразиться, въ пушкинской прозѣ.

П. В. Анненковъ въ своихъ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина“ (изд. 2-ое, С.-Пб. 1873, стр. 4) цитируетъ письмо Арины Родіоновны къ поэту: „Любезный мой другъ Александръ Сергѣевичъ! Я получила письмо и деньги, которыя вы мнѣ прислали. За всѣ ваши милости я вамъ всѣмъ сердцемъ благодарна; вы у меня безпрестанно въ сердцѣ и на умѣ, и только когда засну, забуду васъ. *Пріѣзжай, мой ангелъ, къ намъ въ Михайловское — всѣхъ лошадей на дорогу выставлю.* Я васъ буду ожидать и молить Бога, чтобы онъ далъ намъ свидѣться. Прощай, мой батюшко Александръ Сергѣевичъ. За ваше здоровье я просвиру вынула и молебенъ отслужила — *поживи, дружочекъ, хорошенечко, самому слюбится.* Я, слава Богу, здорова — цѣлую ваши ручки и остаюсь васъ многолюбящая *няня ваша Арина Родіоновна*“. Письмо помѣчено

Тригорскимъ, 6 марта, вѣроятно, 1827 г.; Анненковъ его напечаталъ не цѣликомъ; полностью оно появилось во II томѣ Академическаго изданія переписки поэта. Переводъ напечатаннаго Анненковымъ отрывка изъ этого письма помѣстилъ C. Arps въ своей статьѣ „Eine Freundin Puschkins" („Das Magazin für die Litteratur des In- und Auslandes", Wochenschrift der Weltlitteratur, 1889, 23 Februar, № 9, Dresden, s. s. 137—138), отнеся письмо къ 1826 году. Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" 1895 г., № 12, стр. 335, есть библіографическое указаніе на эту статью, но по ошибкѣ авторъ ея названъ К. Арцег'омъ, а письмо сочтено „неизвѣстнымъ въ Россіи".

Въ третьей главѣ „Дубровскаго" герой получаетъ отъ своей старой няньки слѣдующее письмо: „Государь ты нашъ Владимиръ Андреевичъ, я, твоя старая нянька, осмѣлюсь тебѣ доложить о здоровьѣ папенькиномъ. Онъ очень плохъ, иногда заговаривается и весь день сидитъ какъ дитя глупое, — а *въ животѣ и смерти Богъ воленъ, — пріѣзжай ты къ намъ, соколикъ мой ясный, мы тебѣ и лошадей вышлемъ на Песочное.* Слышно, земскій судъ къ намъ ѣдетъ, отдать насъ подъ началъ Кирилу Петровичу Троекурову — потому что мы-дескать ихніе, а мы искони ваши — и отъ роду того не слыхивали. Ты бы могъ, живя въ Петербургѣ, доложить о томъ Царю-Батюшкѣ, а онъ бы не далъ насъ въ обиду. Остаюсь твоя вѣрная раба *нянька Арина Егоровна* Бузырева" [1]).

Сходство между обоими приведенными письмами бросается въ глаза сразу. Оно не ограничивается однимъ общимъ тономъ, выражающимъ сердечную любовь и привязанность престарѣлой пѣстуньи къ питомцу, однимъ и тѣмъ же языкомъ, удивительно народнымъ и живымъ, изъ родника котораго зачерпнулъ столько

1) Курсивъ принадлежитъ намъ.

прелести нашъ великій мастеръ слова, — но идетъ дальше и доходитъ до общихъ выраженій. Въ обоихъ письмахъ народныя присловья: „поживи, дружочекъ, хорошенечко — самому слюбится“, говоритъ совершенно эпически Арина Родіоновна, радуясь освобожденію своего любимца и друга изъ ссылки и, можетъ быть, полушутливо, полунѣжно намекая на дошедшіе до нея слухи о намѣреніи Пушкина жениться; „въ животѣ и смерти Богъ воленъ“, утѣшаетъ Дубровскаго народной пословицей Арина Егоровна, сообщая ему грустныя вѣсти изъ родительскаго дома. Арина Родіоновна зоветъ Пушкина: „мой ангелъ“, „дружочекъ“; Арина Егоровна называетъ Дубровскаго: „соколикъ мой ясный“. Арина Родіоновна сбивается съ „ты“, какъ она всегда, конечно, обращалась къ Пушкину, на „вы“, видя въ Пушкинѣ не только своего „любезнаго друга“, но и барина; Арина Егоровна пишетъ своему „ясному соколику“: „государь ты нашъ“ и подписывается не только нянькой, но и „вѣрной рабой“. И та и другая хотятъ какъ можно скорѣе обнять своего друга и господина: „всѣхъ лошадей на дорогу выставлю“, обѣщаетъ Арина Родіоновна; „мы тебѣ и лошадей вышлемъ на Песочное“, пишетъ Арина Егоровна. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ слишкомъ очевидна общность выраженій. П. В. Анненковъ („Матеріалы“, стр. 3) разсказываетъ, что въ нянѣ Пушкина, „типическомъ и благороднѣйшемъ лицѣ русскаго міра“, соединялись „добродушіе и ворчливость“. Когда больной старикъ Дубровскій черезъ силу встаетъ съ постели навстрѣчу пріѣхавшему изъ столицы сыну, Арина Егоровна нападаетъ на своего стараго барина: „зачѣмъ ты всталъ съ постели? на ногахъ не стоитъ, а туда же норовитъ, куда и люди“. То же добродушіе, та же сердечная заботливость, та же ворчливость, за которой скрывается доброта.

Не будетъ особенной психологической натяжкой

предположить, что въ умѣ Пушкина, когда онъ писалъ слова Арины Егоровны, носилось письмо Арины Родіоновны, мелькали ея милыя, ласковыя строки, и, быть можетъ, даже не думавъ воспроизвести выраженія Арины Родіоновны, но повинуясь невольной, имъ самимъ не сознаваемой реминисценціи, онъ вложилъ въ уста няни Дубровскаго теплыя, нѣжныя слова своей „дряхлой голубки".

По поводу вызвавшаго настоящую замѣтку письма Арины Родіоновны профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ („Харьковскій университетскій сборникъ въ память А. С. Пушкина", Харьковъ, 1900 г., стр. 115) замѣчаетъ, что „по полученіи этого письма" Пушкинъ написалъ стихотвореніе: „Подруга дней моихъ суровыхъ..."

Мнѣніе г. Сумцова бездоказательно. П. О. Морозовъ („Сочиненія и письма А. С. Пушкина", изд. товарищества „Просвѣщеніе", т. II, С.-Пб. 1903, стр. 424) тоже говоритъ, что этотъ набросокъ „повидимому, служитъ отвѣтомъ" на напечатанное Анненковымъ письмо няни. Надо думать, что оба комментатора неправильно поняли слова Анненкова (l. c.): „какимъ чуднымъ отвѣтомъ на это письмо служитъ неизданный отрывокъ Пушкина, который мы здѣсь приводимъ: „Подруга дней моихъ суровыхъ..." и т. д. Анненковъ совершенно справедливо указываетъ на гармоническое духовное созвучіе между письмомъ Арины Родіоновны и стихотвореніемъ Пушкина о ней, но изъ этого еще нельзя заключить, какъ дѣлаютъ гг. Сумцовъ и Морозовъ, что письмомъ няни были вызваны поэтическія строки о „дряхлой голубкѣ" поэта. Какъ будто Пушкинъ не могъ думать о своей нянѣ и помимо этого письма и, зная ея любовь къ нему, изобразить съ такой красотою и нѣжностью ожиданіе и замирающую тоску ея вѣрнаго сердца...

II.

Изъ отношенiй Пушкина и Ѳ. Н. Глинки.

Въ „Литературномъ Вѣстникѣ“ 1904 г., кн. 1, стр. 3, было помѣщено письмо Пушкина къ Ѳ. Н. Глинкѣ. Пушкинъ извѣщаетъ Глинку о предполагаемомъ изданiи послѣднихъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ въ память барона А. А. Дельвига, проситъ Глинку дать стихи для альманаха и, между прочимъ, намекаетъ на бывшее, очевидно, между обоими поэтами временное охлажденiе: „говорятъ, будто вы на меня сердиты; это не резонъ“. Письмо не носитъ даты.

Когда оно написано? П. И. Бартеневъ напечаталъ въ „Бумагахъ А. С. Пушкина“, I, М., 1881, стр. 33, письмо Ѳ. Н. Глинки къ Пушкину изъ Твери, датированное 28-мъ ноября 1831 г. „Весело было мнѣ“ — писалъ Глинка — „взглянуть на почеркъ руки вашей; спасибо сплетникамъ за доставленное мнѣ удовольствiе читать строки ваши. Но я долго думалъ и не могъ додуматься, изъ чего бы можно было вывести, что *якобы я на васъ сердитъ?!*.. Смѣю увѣрить, что я васъ любилъ, люблю и (сколько за *будущее* ручаться можно) любить не перестану. Многiе любятъ вашъ талантъ, я любилъ и люблю въ васъ — всего васъ. Въ первый разъ изъ письма вашего узнаю, что альманахъ составляется *въ пользу или въ память Дельвига*, милаго, добраго Дельвига!“ [1]). Далѣе Глинка пишетъ, что посылаетъ стихи для альманаха. Словомъ, письма вполнѣ соотвѣтствуютъ другъ другу; въ началѣ же своего письма Глинка говоритъ: „вчера имѣлъ я честь получить письмо Ваше отъ 21-го ноября“. Значитъ, напечатанное въ 1904 году въ „Литературномъ Вѣст-

1) Курсивъ — Глинки.

никѣ“ письмо Пушкина слѣдуетъ датировать 21-мъ ноября 1831 г. Въ первомъ изданіи моей работы, посвященной пушкинской хронологіи: „Труды и дни Пушкина“, М., 1903, стр. 88, я писалъ въ примѣчаніи къ датѣ отвѣтнаго письма Глинки, что письмо, на которое отвѣчаетъ Глинка, неизвѣстно. „Литературный Вѣстникъ“ восполнилъ этотъ пробѣлъ, опубликовавъ письмо Пушкина. Дѣйствительно на письмѣ оказалась дата: „21 N.“, какъ видно изъ академическаго изданія переписки Пушкина (II, стр. 344).

Письма эти свидѣтельствуютъ о чрезвычайномъ благодушіи Глинки, одной изъ лучшихъ сторонъ характера этого человѣка, котораго Пушкинъ справедливо цѣнилъ и очень высоко ставилъ, называя его „великодушнымъ гражданиномъ“, „Аристидомъ“; отправляя свои стихи къ Глинкѣ (1822 г.) брату Льву Сергѣевичу, Пушкинъ писалъ: „покажи ихъ Глинкѣ, обними его за меня и скажи ему, что онъ все-таки почтеннѣйшій человѣкъ здѣшняго міра“. Эти стихи „полюбились Глинкѣ“, какъ сообщилъ ему братъ (см. письмо Пушкина къ брату отъ 30 января 1823 г.). Еще раньше, 27 іюня 1821 г., Пушкинъ поручалъ Льву Сергѣевичу: „обними его [Глинку] братски, скажи ему, что онъ славная душа, и что я люблю его какъ должно“.

Глинка оставилъ добрый слѣдъ въ жизни Пушкина. „Съ самаго выпуска его изъ Лицея“ — писалъ онъ впослѣдствіи („Русск. Арх.“ 1866 г., стр. 917—918) — „я очень его любилъ, какъ Пушкина и уважалъ, какъ въ высшей степени талантливаго поэта. Кажется, и онъ это чувствовалъ и потому дозволялъ мнѣ говорить ему прямо на прямо насчетъ тогдашней его разгульной жизни. Мнѣ даже удалось отвести его отъ одной дуэли“ (Пушкинъ, вѣрно, вспомнилъ о степенныхъ совѣтахъ Глинки, когда писалъ, что онъ „мужъ удаляяйся отъ всякія скверны“).

Когда, весною 1820 г., съ Пушкинымъ стряслась бѣда изъ-за его „вольныхъ“ стиховъ, Глинка, который былъ „употребляемъ для производства изслѣдованій по предметамъ, заключающимъ въ себѣ вѣрность и тайну“, замолвилъ за него словечко петербургскому генералъ-губернатору графу М. А. Милорадовичу, при которомъ состоялъ по особымъ порученіямъ, а когда Пушкинъ былъ высланъ на югъ, Глинка напечаталъ въ „Сынѣ Отечества“ 1820 г. (сентябрь) свое посланіе „Къ Пушкину“. Впослѣдствіи самъ Глинка очутился въ изгнаніи (изъ-за декабрьскаго дѣла), и Пушкинъ, въ свою очередь, хлопоталъ объ улучшеніи его участи, за что Глинка благодарилъ его въ письмѣ 28 іюля 1831 г. („Бумаги Пушкина“, I, М., 1881, стр. 32).

Но страсть Пушкина къ шуткѣ брала свое. 25 января 1825 г. онъ посылаетъ князю П. А. Вяземскому забавную эпиграмму на „нашего друга Глаголя“, въ которой называетъ его „кутейникомъ въ эполетахъ“, „дьячкомъ“, „ижицей въ поэтахъ“; правда, при этомъ онъ проситъ Вяземскаго: „не выдавай меня, милый: Глаголь бо другъ сердца моего, мужъ благъ, незлобивъ, удаляяйся отъ всякія скверны“. Можетъ быть, Вяземскій не выдалъ Пушкина, но поэтъ впослѣдствіи снова посмѣялся надъ Глинкой, — помѣстилъ его въ своемъ „Собраніи насѣкомыхъ“ и зарегистрировалъ „Божіей коровкой“, намекая на піэтизмъ Глинки[1]); эпиграмма эта появилась въ „Подснѣжникѣ“ 1830 г., стр. 18, и ужъ, конечно, не могла не дойти до Глинки, и онъ имѣлъ право сердиться на Пушкина. Но этимъ правомъ Глинка не воспользовался; онъ понималъ настоящее отношеніе Пушкина къ нему, выра-

---

1) Щербина въ своемъ „Сонникѣ современной русской литературы“ писалъ, что „Глинку во снѣ увидѣть предвѣщаетъ увидѣть наяву маленькій ходячій или движущійся иконостасикъ“ (Имп. Публ. Библ., рукописи Н. Ѳ. Щербины, тетр. 6-ая).

зившееся не въ эпиграммахъ, а въ посланіи къ благородному „Аристиду“, и не былъ подобенъ тѣмъ мелочнымъ натурамъ, которыя были способны мстить великому поэту за случайно сорвавшуюся съ пера эпиграмму или за острое словцо. Въ словахъ Пушкина: „говорятъ, будто вы на меня сердиты, это не резонъ“ сквозитъ что-то въ родѣ извиненія, а отвѣтъ Глинки свидѣтельствуетъ о его умѣ и добротѣ. Эти свойства вполнѣ сказались въ его слабыхъ въ эстетическомъ отношеніи, но теплыхъ стихахъ на смерть поэта[1]).

III.

По поводу отношеній Пушкина къ графинѣ Е. К. Воронцовой. (Догадка).

Однимъ изъ самыхъ недоумѣнныхъ вопросовъ въ біографіи Пушкина и исторіи его лирики являются его отношенія къ графинѣ Елизаветѣ Ксаверіевнѣ Воронцовой. Легенда относитъ къ ней стихотворенія „Сожженное письмо“, „Ангелъ“ и „Талисманъ“ и передаетъ извѣстіе объ интимныхъ отношеніяхъ молодого поэта къ женѣ своего одесскаго начальника. До насъ дошли глухія, полутемныя вѣсти — и ничего положительнаго. Для разработки этого вопроса необходимо разыскать документальныя данныя, еще не являвшіяся въ печати, а также изслѣдовать матеріалы, уже попавшіе въ печать. Указаніе на одно не лишенное значенія для рѣшенія этого вопроса сообщеніе современника Пушкина мы черпаемъ изъ рѣчи покойнаго профессора Новороссійскаго университета В. А. Яковлева: „Значеніе нашего края[2]) въ жизни и

1) „Воспоминаніе о піитической жизни Пушкина“ — „Библіотека для чтенія“ 1837 г., XXI, 85—91; были и отд. оттиски.

2) Юга Россіи.

дѣятельности А. С. Пушкина“, Одесса. 1887, стр. 15—16. „По нѣкоторымъ даннымъ“ — говоритъ Яковлевъ — „можно судить, что графиня Воронцова относилась къ поэту благосклоннѣе [графа]; въ этомъ насъ еще болѣе убѣждаетъ письмо домашняго секретаря графа, Щербинина[1]), написанное по поводу смерти Пушкина и еще не напечатанное“. Письмо это было извѣстно Яковлеву, но кромѣ его указанія мы нигдѣ не встрѣтили упоминанія объ этомъ письмѣ.

Въ томъ же 1887 г. въ „Русской Старинѣ“ (апрѣль, 160) появилось письмо М. П. Щербинина, гдѣ говорится о Пушкинѣ и графинѣ Е. К. Воронцовой въ связи со смертью поэта. Трагическая кончина Пушкина вызвала въ Одессѣ, гдѣ многіе его знали и любили, взрывъ всеобщей скорби. 12 февраля 1837 г. въ „Journal d'Odessa“ появилась замѣтка о смерти Пушкина. Это — немногословная, маленькая статейка, содержащая вѣрную оцѣнку понесенной Россіей потери и написанная съ глубокой, благоговѣйной скорбью. Въ пору всеобщаго рабскаго молчанія русской печати, когда А. А. Краевскій потерпѣлъ немало непріятностей за то, что назвалъ Пушкина въ некрологѣ „солнцемъ русской поэзіи“, статейка, помѣщенная во французскомъ журналѣ, не могла не обратить на себя вниманіе. Она такъ восхитила одесское общество, во главѣ съ супругами Воронцовыми, что графиня поручила въ тотъ же день секретарю графа—М. П. Щербинину написать А. Г. Тройницкому, редактору другой тогдашней одесской газеты, „Одесскій Вѣстникъ“, письмо, въ которомъ заключалась косвенная просьба перепечатать въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ замѣтку „Journal

---

1) Михаилъ Павловичъ Щербининъ (1807 † 1881), впослѣдствіи сенаторъ и начальникъ Главнаго управленія по дѣламъ печати; онъ оставилъ „Воспоминанія“ („Русск. Арх.“ 1876 г., III; отдѣльное изданіе 1877 г.) и біографію свѣтл. князя М. С. Воронцова.

d'Odessa". Статья эта, писалъ Щербининъ, „была принята всѣми, а въ особенности графинею Воронцовою, съ восхищеніемъ. Такъ какъ, вѣроятно, она же, т.-е. статья сія, будетъ помѣщена и въ „Одесскомъ Вѣстникѣ", то я спѣшу повергнуть предъ вами мысль, родившуюся у графини Елизаветы Ксаверіевны, т.-е., что большая часть стихотвореній Пушкина созданы были въ Одессѣ, во время его здѣсь пребыванія. Мысль сія достойна быть обработанною. Впрочемъ, Богъ знаетъ, что скажутъ въ Петербургѣ"... Статья „Journal d'Odessa" перепечатана не была, а вмѣсто нея въ „Одесскомъ Вѣстникѣ", 13 февраля, № 13, былъ помѣщенъ глубоко-прочувствованный некрологъ, написанный братомъ редактора, Николаемъ Григорьевичемъ Тройницкимъ.

Б. Л. Модзалевскій, разыскивавшій оставшіяся послѣ М. П. Щербинина бумаги и разспрашивавшій его родныхъ, не нашелъ никакого неизданнаго письма съ упоминаніемъ о Воронцовой и Пушкинѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что опубликованное въ „Русской Старинѣ" письмо Щербинина и есть то самое, о которомъ говорилъ въ своей рѣчи В. А. Яковлевъ, но ни о какой благосклонности къ поэту оно не свидѣтельствуетъ, а доказываетъ скорѣе плохое знакомство графини съ произведеніями Пушкина.

Н. Лернеръ.

Къ исторіи русско-польскихъ литературныхъ отношеній. Мицкевичъ и Пушкинъ.

(По поводу книги Józef'a Tretiak'a: „Mickiewicz i Puszkin. Studia i skice“. Warszawa. 1906 г.).

Въ первой четверти XIX-го столѣтія существовали очень живыя литературныя связи между русскими и польскими литераторами и учеными. Эти связи завязались, несомнѣнно, на почвѣ политическихъ событій и либерализма славнаго царствованія Александра I.

Вольное Общество Любителей Россійской Словесности въ 1821 году писало своему почетному члену, извѣстному польскому ученому С. Б. Линде: „...Сословіе покорнѣйше проситъ васъ украсить издаваемые имъ труды полезными для просвѣщеннаго свѣта произведеніями пера вашего и сообщать также сочиненія другихъ вамъ извѣстныхъ Польскихъ ученыхъ и литераторовъ, которые будутъ переведены на Русскій языкъ достойнымъ образомъ и помѣщены съ удовольствіемъ въ *Соревнователь.* Въ Благословенное Царствованіе Александра Россіяне и Поляки соединены неразрывными узами, а ученымъ обществамъ предлежитъ обязанность знакомить взаимно одно съ другимъ произведеніями своихъ соотечественниковъ. Общество Любителей Россійской Словесности

увѣрено, что вы, будучи Почетнымъ членомъ его и любителемъ истиннаго просвѣщенія, не откажетесь принять на себя трудъ быть посредникомъ между Россійскими и Польскими Каменами“ [1]).

Завязывавшіяся литературныя отношенія оживились съ пріѣздомъ Адама Мицкевича сперва въ Москву, а потомъ въ Петербургъ.

Справедливость требуетъ замѣтить, что русскіе изслѣдователи литературы очень мало удѣляли вниманія изученію русско-польскихъ литературныхъ отношеній въ первой четверти XIX ст.; не удѣлялось достаточно вниманія, въ частности, изученію вліянія Мицкевича на Пушкина. Не сомнѣваемся, что поиски въ журналахъ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія дадутъ кое-какія новыя данныя о вліяніи польскихъ поэтовъ на русскихъ. Что этого вліянія отрицать нельзя, въ томъ нельзя сомнѣваться: ссылки К. Ф. Рылѣева на Нѣмцевича, указанія Пушкина на Мицкевича — живые свидѣтели воздѣйствія однихъ литераторовъ на другихъ.

Названная въ заглавіи нашей статьи книга г. Третьяка, профессора Краковскаго Университета по каѳедрѣ малорусской словесности, даетъ нѣсколько статей, рѣшающихъ вопросы литературныхъ отношеній русскихъ и польскихъ въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія, сопоставляющихъ Мицкевича и Пушкина. Находимъ необходимымъ на страницахъ повременнаго изданія „Пушкинъ и его современники“ дать отчетъ о книгѣ г. Третьяка и указать, что особенно цѣннаго для русскаго читателя и ученаго находится въ ней.

Въ названномъ сочиненіи Краковскаго профессора двѣ статьи „Idea Wallenroda“ и „Tło historiczne w „Panu

---

1) Исходящія дѣла за 1821 г. № 887. Архивъ Общества въ библіотекѣ Академіи Наукъ.

Tadeuszu" (1 — 55 стр.) не имѣютъ отношенія къ Пушкину. Остальныя четыре статьи посвящены нашему великому поэту; но онѣ очень разноцѣнны для русскаго читателя.

Этюдъ подъ заглавіемъ: „Młodość Puszkina", посвященный жизни поэта въ связи съ его сочиненіями до 1826 года, для русскаго читателя не представляетъ ничего интереснаго, потому что излагаетъ общеизвѣстные факты. Новостью является сопоставленіе біографическихъ фактовъ изъ жизни Пушкина и Мицкевича (см. стр. 70, 75, 84 и др.). Въ другомъ біографическомъ этюдѣ: „Puszkin i Rosya", рисующемъ отношенія Пушкина къ царской власти, русскій читатель знакомится съ взглядомъ поляка на отношенія великаго поэта къ Императору Николаю.

Въ этомъ этюдѣ находимъ слишкомъ одностороннее освѣщеніе и слишкомъ узкое пониманіе нѣкоторыхъ произведеній Пушкина. Очень сожалѣемъ, что проф. Третьякъ не познакомился съ „Изслѣдованіями о поэзіи А. С. Пушкина" проф. Сумцова, ни съ небольшою книжечкою В. В. Никольскаго „Идеалы Пушкина". Быть можетъ, эти книги побудили бы его быть умѣреннѣе въ похвалахъ Мицкевичу за его стихотворенія, въ которыхъ послѣдній выступаетъ не художникомъ, отметающимъ все случайное и временное, а публицистомъ, котораго сильно волновали современныя событія. Неправильное толкованіе идеаловъ царской власти, данное проф. Третьякомъ, сказывается въ противорѣчіи самому себѣ. Такъ, на 319 стр. онъ говоритъ о перемѣнѣ политическихъ взглядовъ Пушкина, а на стр. 328, приведя стихъ изъ „Памятника" Пушкина: „Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу", онъ замѣчаетъ: „oto, gdzie się ukrywał niepoprawny złoczyńca, którego ani pensya, ani tytuł dworski, ani upominki, ani hojne zaliczki, nie zdołały skruszyć i zjednać dla idei samowładztwa".

Наиболѣе интереса и новизны заключаютъ въ себѣ двѣ статьи: 1) „Mickiewicz i Puszkin jako bajroniści“ (107—185 стр.) и 2) „Ślady wpływu Mickiewicza w poezyi Puszkina“ (189 — 303 стр.). Остановимся на нихъ подробно.

„Два величайшіе славянскіе поэта, имѣющіе по возрасту разницу въ нѣсколько мѣсяцевъ“,—такъ начинаетъ г. Третьякъ свой первый изъ вышеназванныхъ этюдовъ,—„жили и развивались подъ вліяніемъ тѣхъ литературныхъ направленій, которыя въ то время проникали съ запада на востокъ Европы“. Само собою разумѣется, что не каждая умственная волна, идущая съ Запада, одинаково сильно потрясала души обоихъ поэтовъ. Такъ, напримѣръ, вліяніе Гёте почти съ одинаковой силой выступаетъ въ поэзіи Мицкевича и Пушкина; но поэзія Шиллера, сильно вліявшая на польскаго поэта, совершенно не отразилась въ твореніяхъ русскаго. Наоборотъ, поэзія Андрея Шенье, такъ увлекавшая Пушкина, не оставила никакого слѣда въ поэзіи Мицкевича.

Но сильнѣе другихъ поэтовъ на обоихъ геніальныхъ пѣвцовъ славянскихъ вліялъ Байронъ. Впрочемъ, хотя сила вліянія поэзіи Байрона была почти одинакова, но она заставила звучать въ душѣ того и другого поэта иныя струны. Разница эта, по мнѣнію г. Третьяка, весьма характерна: изученіе ея позволяетъ заглянуть глубоко въ настроеніе духа не только обоихъ поэтовъ, но и обоихъ народовъ, представителями которыхъ являются Пушкинъ и Мицкевичъ.

Послѣ сжатой характеристики поэзіи Байрона (гл. I), г. Третьякъ переходитъ къ указанію слѣдовъ ея въ произведеніяхъ Пушкина (гл. II — III). По его мнѣнію, въ поэзіи и душѣ Пушкина наисильнѣе отразился такъ называемый „донжуанизмъ“ Байрона.

Это замѣтно въ поэмахъ „Кавказскій Плѣнникъ“ и

„Бахчисарайскій Фонтанъ"; въ „Цыганахъ" и „Евгеніи Онѣгинѣ" Пушкинъ уже освобождается отъ вліянія Байрона, хотя и въ нихъ еще звучатъ мотивы байронизма, именно: въ „Цыганахъ" — уныніе, а въ „Евгеніи Онѣгинѣ" — чувственность на фонѣ пресыщенія, презрѣнія къ людямъ и сознанія своего превосходства. Попутно съ поэмами и романомъ указываются и лирическія произведенія, въ которыхъ отразилось байроновское уныніе.

Главы IV — V посвящены разсмотрѣнію тѣхъ произведеній Мицкевича, въ которыхъ отразилось вліяніе поэзіи Байрона. Мицкевичъ подпалъ вліянію поэзіи Байрона позднѣе, чѣмъ Пушкинъ. Кромѣ того, Мицкевичъ совсѣмъ не отозвался на „донжуанизмъ"; второй мотивъ поэзіи англійскаго поэта — уныніе — проявился у Мицкевича только въ выборѣ стихотвореній для перевода (Прощанье изъ Чайльдъ-Гарольда, Сонъ и др.). За то третій мотивъ байроновской поэзіи—героизмъ, оставшійся совершенно чуждымъ музѣ Пушкина, нашелъ откликъ во многихъ произведеніяхъ польскаго поэта, каковы: „Валленродъ", „Фарисъ", третья часть „Дзядовъ" и отчасти въ лицѣ Робака изъ „Пана Тадеуша".

Въ послѣдней (VI) главѣ этюда авторъ подводитъ итоги своей статьи о вліяніи поэзіи Байрона на Пушкина и Мицкевича. Вотъ они. Изъ трехъ основныхъ мотивовъ байроновской поэзіи—*унынія, донжуанизма* и *героизма*—въ произведеніяхъ Мицкевича слабо отразилась *меланхолія;* особенно нашла она мѣсто въ переводахъ. Въ душѣ польскаго поэта, настроенной оптимистически, не было мѣста унынію, вытекавшему изъ глубокаго скептицизма и пессимизма англійскаго поэта. У Пушкина, наоборотъ, байроновская меланхолія отразилась во многихъ лирическихъ пьесахъ и нѣкоторыхъ поэмахъ, особенно въ „Цыганахъ". Это байроновское уныніе находило себѣ благо-

датную почву въ мысляхъ поэта о невѣчности всего земного и въ сознаніи, что въ природѣ поэта есть нѣчто роковое, что приближаетъ его къ смерти.

Байроновскій донжуанизмъ, — „т.-е. чувственность на основѣ пресыщенія, презрѣнія къ свѣту и сознанія своего превосходства", — не нашелъ ни одной родственной струны въ душѣ Мицкевича; за то очень громко прозвучалъ въ поэзіи Пушкина, найдя себѣ выраженіе въ „Онѣгинѣ".

Третій байроновскій мотивъ — *героизмъ*, — являющійся у Байрона въ двухъ видахъ — героизмъ любви („Корсаръ", „Гяуръ") и героизмъ титаническій („Манфредъ", „Каинъ"), почти не нашелъ отзвука въ душѣ Пушкина, если не принимать во вниманіе неудачнаго типа Керимъ-Гирея въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ". Правда, въ лицейскихъ стихотвореніяхъ русскаго поэта, въ „Полтавѣ", въ „Бородинской годовщинѣ" и въ пьесѣ „Клеветникамъ Россіи" звучитъ героизмъ, который можно назвать политическимъ (urzędowym) и который не имѣетъ ничего общаго съ байронизмомъ. Наоборотъ, въ поэзіи Мицкевича байроновскій героизмъ зазвучалъ такъ громко, что заглушилъ иныя байроновскія струны, звучавшія въ душѣ поэта. Этотъ героизмъ и породилъ Конрада Валленрода, Фариса и Конрада изъ „Дзядовъ"; слѣды его находимъ и въ личности Робака изъ „Пана Тадеуша". „Итакъ, поэзія Байрона затронула совершенно различныя струны въ душахъ двухъ великихъ поэтовъ-ровесниковъ, и это—лучшее доказательство, какъ различно были настроены ихъ души". Несмотря на указанную разницу въ душевномъ настроѣ, оба поэта питали другъ къ другу глубокую симпатію, столь глубокую, что ее не вытравили изъ сердца Мицкевича даже политическія событія, глубокой пропастью отдѣлившія послѣдняго отъ русскаго поэта. Источникъ этой симпатіи слѣдуетъ искать въ личномъ знакомствѣ

обоихъ поэтовъ, позволившемъ имъ глубоко проникнуть въ душу другъ друга. „Въ своихъ очахъ они читали искренность и чистоту своихъ современныхъ вдохновеній и стремленіе душъ, окрыленныхъ поэзіей, возносящейся надъ торжищемъ будничныхъ интересовъ".

Таково содержаніе этюда г. Третьяка, кратко нами изложенное. Цѣнность его, прежде всего, зависитъ отъ точки зрѣнія автора на поэзію Байрона. Подлежитъ спору, по нашему мнѣнію, различеніе *трехъ* основныхъ мотивовъ въ поэзіи Байрона. Другіе изслѣдователи поэтической дѣятельности англійскаго поэта сводятъ все міровоззрѣніе Байрона къ двумъ понятіямъ: „къ міровой скорби" и къ „торжествующему индивидуализму" (См. статью Н. А. Котляревскаго въ III т. Соч. Байрона, изд. подъ ред. С. А. Венгерова). Намъ думается, что при такомъ взглядѣ различіе въ настроеніи Пушкина и Мицкевича скажется, но оно будетъ состоять, по нашему мнѣнію, въ *большемъ художественномъ реализмѣ* Пушкина передъ Мицкевичемъ. Не даромъ же послѣдній такъ печально окончилъ свою поэтическую дѣятельность, совершенно запутавшись въ мрачныхъ сѣтяхъ „товянизма". По нашему мнѣнію, весь этюдъ г. Третьяка имѣетъ цѣну, лишь какъ одностороннее освѣщеніе творчества нашего великаго поэта. Что Пушкинъ находился подъ вліяніемъ поэзіи Байрона съ 1821 года, это несомнѣнно, но такъ же несомнѣнно и то, что съ 1824 года Пушкинъ уже разстался съ „властителемъ думъ" своего времени. Прибавимъ къ сказанному, что вліяніе Байрона на Пушкина „было исключительно литературное и нисколько не коснулось образа мыслей, а тѣмъ болѣе убѣжденій его" (См. В. Никольскій. Идеалы Пушкина. Изд. 4, 1899 г., 41 стр.).

Наконецъ, что особенно непріятно поражаетъ безпристрастнаго читателя въ этюдѣ г. Третьяка, это отсутствіе

объективности, каковою должна отличаться всякая работа, претендующая на научность. Г. Третьякъ явно унижаетъ нашего великаго поэта передъ Мицкевичемъ. Такъ, въ заключенiи разсматриваемой статьи (стр. 184—185) онъ, посылая упрекъ Пушкину за то, что послѣднiй „не всегда умѣлъ удержаться на тѣхъ вышинахъ, гдѣ сходились души двухъ поэтовъ", забываетъ сказать, что и Мицкевичъ не удержался на той высотѣ, когда „злобы въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ"; что только потемнѣнiемъ душевнымъ можно объяснить превращенiе Мицкевича изъ друга, „котораго русскiе проводили на Западъ благословеньемъ", во врага, „поющаго ненависть". Не забудемъ, что этотъ нравственный оборотень нѣкогда „говорилъ о временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся"[1]).

Эта тенденцiозность еще ярче сказывается въ другомъ изслѣдованiи, подъ заглавiемъ „Ślady wpływu Mickiewicza w poezyi Puszkina", напечатанномъ первоначально въ VII т. „Pamiętnika Wydziału filozoficzno-historycznego Ak. Umiej.".

Слѣдуя принятому плану, изложимъ возможно кратко содержанiе названной статьи, а затѣмъ укажемъ ея относительную цѣнность.

Въ польской бiографической литературѣ о Мицкевичѣ возможно встрѣтить болѣе или менѣе обширныя указанiя о взаимныхъ отношенiяхъ Мицкевича и Пушкина; но ни въ одной бiографiи этотъ вопросъ не подвергся болѣе обстоятельному и глубокому разсмотрѣнiю. А этотъ вопросъ заключаетъ много заманчиваго и увлекательнаго для ума, ищущаго научной истины. Нѣсколько лѣтъ назадъ (въ 1887 г.) заинтересовался этимъ вопросомъ по-

---

1) См. стихотв. Пушкина „Мицкевичъ". Сочиненiя, изд. 1887 г., т. II, 166—167 стр.

койный В. Д. Спасовичъ, но онъ, какъ показываетъ заглавіе его статьи: „Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго“[1]), сузилъ тему до вопроса: „каковы взгляды двухъ поэтовъ на идею царской власти, осуществленную Петромъ въ русскомъ государствѣ и символизованную въ памятникѣ, поставленномъ Екатериной II реформатору-деспоту“. Съ другой стороны, нельзя принять конечнаго результата, къ которому пришелъ Спасовичъ послѣ изслѣдованія произведеній Мицкевича „Памятникъ Петра Великаго“ и „Олешкевичъ“, такъ какъ онъ не обставленъ вполнѣ убѣдительными доказательствами. Поэтому г. Третьякъ рѣшилъ произвести самостоятельное изслѣдованіе поставленнаго имъ въ заглавіи вопроса: путемъ сравненія „Памятника“ Мицкевича и „Мѣднаго Всадника“ Пушкина ближе опредѣлить вѣроятную сущность этой эпиграммы, указать наиболѣе яркіе слѣды вліянія доходящихъ съ Запада стихотвореній Мицкевича на поэзію Пушкина и объяснить загадочность „Мѣднаго Всадника“, привлекая къ сравнительному анализу и такія произведенія Мицкевича и Пушкина, на которыя Спасовичъ не обратилъ вниманія въ своемъ трудѣ.

Подходитъ г. Третьякъ къ своей задачѣ исподволь. Такъ, онъ сперва указываетъ слѣды вліянія Мицкевича на Пушкина и его поэзію до 1831 года, т.-е. до того времени, когда политическія событія окончательно разлучили ихъ.

Сдѣлавъ довольно обстоятельный, хотя и сжатый обзоръ поэтическаго развитія Пушкина до 1828 года (гл. II—III), г. Третьякъ переходитъ къ Мицкевичу.

Пушкинъ и Мицкевичъ познакомились осенью 1826 года въ Москвѣ и часто встрѣчались зимою 1826—1827 г. на вечерахъ у княгини Зинаиды Волконской. Затѣмъ они проводили вмѣстѣ большую часть 1828 года въ

1) См. Сочиненія Спасовича, т. II, 225—290 стр.

Петербургѣ, куда переѣхалъ изъ Москвы Мицкевичъ въ апрѣлѣ того же года. Они часто встрѣчались на вечерахъ у друга Пушкина, поэта Дельвига. Оба писателя произвели другъ на друга впечатлѣніе. Польскій поэтъ не разъ отзывался о Пушкинѣ съ большою симпатіей. Кромѣ некролога, напечатаннаго значительно позже, Мицкевичъ въ мартѣ 1827 г. писалъ о Пушкинѣ въ письмѣ къ Одыньцу: „Я знакомъ съ нимъ, и мы часто встрѣчаемся. Пушкинъ, почти ровесникъ мнѣ (онъ двумя мѣсяцами моложе), въ бесѣдѣ очень остроуменъ и увлекателенъ; читалъ много и хорошо, хорошо знаетъ новую литературу; о поэзіи имѣетъ чистое и возвышенное понятіе“.

Пушкинъ въ письмахъ не оставилъ указаній на то впечатлѣніе, какое произвелъ на него Мицкевичъ. О польскомъ поэтѣ онъ говоритъ разъ въ своемъ стихотвореніи 1834 года, озаглавленномъ „Мицкевичъ“. „Мирный, благосклонный, онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ дѣлились мы и чистыми мечтами, и пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше и съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко онъ говорилъ о временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся. Мы жадно слушали поэта. Онъ ушелъ на Западъ—и благословеньемъ его мы проводили“. Въ варіантахъ къ этому стихотворенію находимъ и такія слова: „Онъ не любилъ крикливой клеветы, чуждался онъ (пустого) вольнодумства“.

Приведенное стихотвореніе подтверждаетъ вполнѣ слова Одыньца о впечатлѣніи встрѣчи съ Мицкевичемъ на Пушкина, и мы склонны вѣрить, что въ увлеченіи польскимъ поэтомъ русскій признавалъ надъ собою его превосходство.

Было ли это превосходство и въ чемъ оно состояло? Какъ художники, они оба стояли на высотѣ, исключающей возможность сравненій. Они оба были превосход-

ными мастерами, у каждаго изъ нихъ слово было полнымъ, сильнымъ и прекраснымъ воплощенiемъ мысли. По образованiю они также равнялись другъ съ другомъ. Но разница заключалась въ темпераментахъ и въ воспитанiи, т.-е. въ томъ, что называется характеромъ. Мицкевичъ имѣлъ сильный темпераментъ, т.-е. такой, который всегда сможетъ подчинить одни впечатлѣнiя и понятiя другимъ. Это былъ рѣдкiй по цѣлостности характеръ. Въ первыхъ, еще студенческихъ его произведенiяхъ заключались зерна тѣхъ чувствъ и убѣжденiй, которыя въ послѣдующихъ его творенiяхъ распустились пышнымъ цвѣтомъ; уже въ нихъ повѣданы были тѣ основныя идеи, которымъ онъ остался вѣренъ до конца жизни. Такой цѣльности, такого единства не было въ характерѣ Пушкина. Г. Спасовичъ прекрасно и мѣтко сравнилъ его съ морской волной, вѣчно подвижной и въ зависимости отъ времени дня мѣняющей свои краски. И душа Пушкина способна была подняться до высокихъ идей и обнять ихъ, но она не умѣла проникнуться ими глубоко и навсегда подчиниться имъ. Не могли эти идеи пустить глубокiе корни въ его сердцѣ, превратиться въ его религiю прежде всего потому, что въ сердцѣ Пушкина не была развита религiозность, которая укрѣпила бы и освятила ихъ; далѣе потому, что было весьма трудно обуздать силу страстей, волнующихъ эту морскую волну. Въ душѣ Пушкина былъ разладъ, и хотя, благодаря живости разнородныхъ страстей, онъ легко мирился съ жизнью, подавлялъ и заглушалъ надолго этотъ разладъ, однако послѣднiй не разъ проявлялся со всею силою, когда, подъ влiянiемъ какого-нибудь весьма сильнаго впечатлѣнiя, идеалы молодости воскресали въ первобытной свѣжести и чистотѣ. Общенiе съ Мицкевичемъ, освѣжая въ душѣ Пушкина все, что было въ ней благороднѣйшаго, легко могло вызывать въ ней этотъ разладъ. Въ полномъ гармонiи строѣ

души Мицкевича признавалъ Пушкинъ превосходство его надъ собою; въ немъ онъ видѣлъ, какимъ онъ долженъ быть, но какимъ не могъ быть. Правда, въ добромъ сердцѣ его не было гордости и зависти; превосходство Мицкевича не отталкивало его отъ польскаго поэта, но сознаніе немощи своего характера, вызываемое сравненіемъ, могло свинцомъ ложиться на его сердце.

Этимъ сознаніемъ немощи своего характера г. Третьякъ объясняетъ сообщенный А. П. Кернъ фактъ, что зимою съ 1827 г. на 1828 г., т.-е. въ періодъ сближенія въ Петербургѣ съ Мицкевичемъ, Пушкинъ казался мрачнымъ, разсѣяннымъ и апатичнымъ. Это смутное настроеніе отразилось въ пьесахъ: „Предчувствіе“, „Воспоминаніе“ и „26 мая 1828“.

Въ это время, весною, лѣтомъ или осенью 1828 г., могла произойти сцена, описанная Мицкевичемъ въ „Памятникѣ Петра Великаго“: „Вечеромъ подъ дождемъ стояли два юноши подъ однимъ плащомъ, взявшись за руки“. Предъ ними въ мрачной мглѣ возвышался мѣдный колоссъ управлявшаго дубинкою (knutowładnego) царя. То была рѣдкая символика противоположности между далекою, предсказываемою Мицкевичемъ будущностью, „когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся“, и прошлымъ и настоящимъ, восхваляющимъ идеалъ захватчика и самодержца. Отдавали ли себѣ отчетъ оба поэта въ этомъ случайномъ контрастѣ, или нѣтъ, на то нѣтъ яснаго отвѣта. Но у Пушкина есть стихотвореніе „Анчаръ“, которое удержало на себѣ отблескъ этого контраста. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сквозь идею этой пьесы мелькаетъ блескъ вліянія Мицкевича. Вотъ почему въ „Анчарѣ“ можно видѣть комментарій къ словамъ русскаго поэта „о каскадѣ тиранства“, вложеннымъ въ его уста въ „Памятникѣ Петра Великаго“.

Подъ стихотвореніемъ „Анчаръ“ стоитъ дата: „9 ноя-

бря 1828 г.", а за двѣ-три недѣли предъ тѣмъ написана поэма „Полтава". И эта поэма находится въ связи съ поэзіею Мицкевича. Героемъ „Полтавы" является Мазепа, именемъ котораго названа была первоначально поэма. Мазепа — это Валленродъ sui generis, герой-измѣнникъ, только освѣщенный не съ той этической точки зрѣнія, съ какой представилъ своего героя Мицкевичъ. Между „Полтавою" Пушкина и „Валленродомъ" Мицкевича родство не случайное: „Валленродъ" появился въ началѣ 1828 г., а осенью того же года написана „Полтава". Въ мартѣ того же года Мицкевичъ писалъ Одыньцу, что Пушкинъ перевелъ нѣсколько стиховъ изъ „Конрада Валленрода". „Догадываюсь, заключаетъ г. Третьякъ, что фантазія Пушкина, затронутая байроновскимъ настроеніемъ и рембрандтовскимъ освѣщеніемъ Валленрода, искала похожаго лица въ исторіи Россіи и нашла его въ Мазепѣ, въ которомъ уже и Байронъ усмотрѣлъ столько поэтической стихіи".

Не могъ Пушкинъ, подобно Мицкевичу, приписать Мазепѣ высшихъ побужденій, какими руководится Конрадъ Валленродъ, съ одной стороны изъ-за цензурныхъ соображеній, съ другой — изъ-за живой народной традиціи, которая проклинала гетмана. Имя Мазепы неизбѣжно связано съ именемъ Петра, котораго нельзя было подъ Полтавою не представить въ ореолѣ славы. Пушкинъ въ „Полтавѣ" представилъ Петра не во всемъ значеніи его, какъ правителя, а какъ защитника государства отъ врага. Но и въ „Полтавѣ" нашелъ Пушкинъ возможность однимъ штрихомъ очертить обратную сторону историческаго характера Петра. Когда передъ Полтавской битвой у Мазепы исчезаетъ надежда достичь своей цѣли, а Орликъ утѣшаетъ его, что время не ушло „съ Петромъ опять войти въ сношенья", гетманъ отвѣчаетъ, что мириться поздно.

„Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стѣсненной злобой. Подъ Азовомъ
Однажды я съ царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ.
Полны виномъ, кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши;
Я слово смѣлое сказалъ.
Смутились гости молодые, —
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ;
Носилъ ее — какъ мать во чревѣ
Младенца носитъ“...

Тутъ однимъ штрихомъ очертилъ Пушкинъ цивилизатора Петра, какъ азіатскаго деспота. Только такимъ способомъ возможно примирить то противорѣчіе, какое возникаетъ при сопоставленіи „Полтавы“ съ извѣстною сценою у памятника Петра Великаго.

Слѣды вліянія Мицкевича на Пушкина отыскиваетъ профессоръ Третьякъ въ „Путешествіи въ Арзерумъ“ и въ поэмѣ „Галубъ“. Въ первомъ произведеніи вліяніе идей Мицкевича о грядущемъ братствѣ народовъ польскій ученый усматриваетъ въ словахъ Пушкина изъ 1-й главы, гдѣ онъ говоритъ о средствахъ уничтожить ненависть черкесовъ къ русскимъ (проповѣдь Евангелія). Недоконченная поэма „Галубъ“, написанная въ 1829 г., тотчасъ по возвращеніи Пушкина изъ поѣздки въ Арзерумъ, съ своимъ героемъ Тазитомъ, который выступаетъ въ поэмѣ, какъ христіанинъ, тѣсно связывается съ мыслями поэта о проповѣдываніи Евангелія между дикими черкесами, о чемъ говорится въ „Путешествіи въ Арзерумъ“. Въ лицѣ Тазита поэтъ какъ бы иллюстрируетъ, какое влія-

ніе оказываетъ христіанство на свѣжее сердце дикаго народа.

„Галубъ“ — произведеніе, съ которымъ на время прекращается вліяніе Мицкевича на поэзію Пушкина. Оно возобновляется въ 1833 году, какъ эхо долетающей съ Запада поэзіи польскаго поэта, вызванной ноябрьскимъ возстаніемъ.

Разсказавъ подробно о сближеніи Пушкина послѣ женитьбы съ царемъ въ Царскомъ Селѣ, о назначеніи его писать исторію Петра Великаго и о замыслѣ поэта издавать политическій журналъ, г. Третьякъ говоритъ, что плодомъ сближенія государя и поэта явились стихотворенія „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“, напечатанныя вмѣстѣ съ однимъ стихотвореніемъ Жуковскаго, подъ заглавіемъ „На взятіе Варшавы“. Обѣ пьесы Пушкина дышатъ воинственнымъ пыломъ. Пѣвецъ вольности, онъ славилъ штыкъ россійскаго воина, не обращая вниманія на то, что этотъ штыкъ является стражемъ не только угнетенныхъ народовъ, но и деспотическихъ порядковъ въ Россіи.

Въ то время какъ Пушкинъ въ стихотвореніяхъ „На взятіе Варшавы“ заявилъ себя слугою царя, Мицкевичъ желалъ отдать свою поэзію на служеніе народу своему, результатомъ чего явилась третья часть „Дзядовъ“. Въ этой части своей большой поэмы авторъ собралъ нѣсколько случаевъ изъ эпохи преслѣдованій мученической Польши, охватывающей много поколѣній и безчисленное множество жертвъ, — собралъ не для возобновленія въ сердцахъ соплеменниковъ ненависти къ врагамъ, не для пробужденія вражды въ Европѣ, а для сохраненія народу вѣрныхъ воспоминаній о нѣсколькихъ лѣтахъ изъ литовской исторіи. Съ этою третьею частью „Дзядовъ“ находятся въ связи нѣсколько другихъ поэтическихъ произведеній, которыя называются обыкно-

венно „Петербургъ“, но которыя въ первомъ изданіи названы были: „Дополненіе къ третьей части Дзядовъ“.

Связь обозначаетъ это послѣднее названіе; но и въ содержаніи наблюдается эта связь: въ послѣдней сценѣ „Дзядовъ“ видимъ Конрада отправляющимся на полночь, а въ первой сатирѣ „Ustęp'a“ „Дорога въ Россію“ находимъ тотъ же мотивъ, но распространенный и перенесенный въ область дѣйствительности. Кромѣ того, всѣ сатиры связаны съ „Дзядами“ общимъ настроеніемъ, тѣми чувствами, какими дышалъ и Конрадъ. Во всѣхъ почти сатирахъ „Ustęp'a“ [1]) предметомъ служитъ Петербургъ, который вмѣстилъ въ себѣ новыя традиціи Россіи, традиціи захвата и раздѣла Польши, наиболѣе ненавистныя полякамъ.

Сердце Петербурга, символомъ его значенія, символъ деспотизма, „idealnem logowiskiem dzika“, есть памятникъ Петра Великаго. Ему посвящена польскимъ поэтомъ особая сатира, но въ ней онъ передаетъ молотъ сатиры Пушкину, „поэту русскаго народа, славному пѣснями на цѣлой полночи“, какъ бы для показанія, что этотъ символъ деспотизма — врагъ не только Польши, но и свободной Россіи.

„Ustęp“ посвященъ „пріятелямъ - москалямъ“ и заключается стихотворнымъ обращеніемъ къ нимъ. Въ этомъ обращеніи, написанномъ съ необыкновенною искренностью и глубиною лиризма, Мицкевичъ желалъ подчеркнуть, что онъ началъ борьбу не съ народомъ, но съ государственною системою, угнетающею русскій народъ, что онъ поднялъ знамя „за нашу и вашу свободу“. Онъ припомнилъ своимъ московскимъ знакомымъ то, о

---

1) Ихъ всего семь: 1) „Do przyjaciół Moskali“, 2) „Droga do Rossyi“, 3) Przedmieścia stolicy, 4) Petersburg, 5) Pomnik Piotra Wielkiego, 6) Przegląd wojska, 7) Oleszkiewicz. См. Pisma Ad. Mickiewicza. Lipsk. 1862, т. III.

чемъ говорилъ за нѣсколько лѣтъ прежде, какъ бы желая показать, что онъ остался тѣмъ самымъ, какимъ былъ въ дни временнаго пребыванія въ Москвѣ и Петербургѣ. А они, тѣ, которые нѣкогда внимали ему съ увлеченіемъ, которые вторили ему, не измѣнились ли? остались ли вѣрны своимъ давнимъ стремленіямъ?

Быть можетъ, не одинъ клейму подставилъ лобъ
И честь свою попралъ, на службу отдалъ волю
И бьетъ у царскихъ ногъ поклоны, какъ холопъ.
И, братьевъ оскорбивъ насмѣшливымъ упрекомъ,
Слагаетъ гимнъ побѣдъ продажнымъ языкомъ[1]).

Имѣлъ ли въ виду кого-либо изъ своихъ россійскихъ пріятелей Мицкевичъ въ послѣднихъ стихахъ?

Прежде г. Третьякъ предполагалъ, что Мицкевичъ имѣлъ въ виду Пушкина и Жуковскаго, какъ авторовъ патріотическихъ стихотвореній на взятіе Варшавы. Но въ юбилейномъ томѣ Мицкевичевскихъ Записокъ (Львовъ. 1898 г.) появился автографъ стихотворенія „Do przyjaciół Moskali“, изъ котораго стало извѣстно, что Мицкевичъ написалъ его въ 1830 г., слѣдовательно, до выхода въ свѣтъ сборника стихотвореній Пушкина и Жуковскаго.

Но Пушкинъ не зналъ объ этомъ; для него „Ustęp“ и „Do przyjaciół Moskali“ явились въ одно время, въ 1832 году.

Послѣ написанія оффиціально-патріотическихъ стихотвореній въ творчествѣ Пушкина наступилъ перерывъ. Затѣвавшаяся имъ политическая газета не могла быть издаваема. Занятія въ архивахъ не давали пока ожидаемыхъ результатовъ. Друзья, желая возбудить его фантазію, совѣтовали ему продолжать „Онѣгина“. Эта мысль нравилась Пушкину.

---

1) Очень неточный переводъ г. Тана въ Сборникѣ стихотвореній декабристовъ г. Ѳомина, т. I, стр. .

Въ новомъ „Онѣгинѣ“, если бы его написалъ Пушкинъ, отразилось бы и новое настроеніе поэта, вызванное главнымъ образомъ оскорбленной дворянской спесью. Это настроеніе сказалось въ стихотвореніяхъ „Моя родословная“ и „Родословная моего героя“, а равно и въ мелкихъ прозаическихъ замѣткахъ и набросках 1830 и 1831 гг.

Въ 1833 г. Пушкинъ, несомнѣнно, познакомился съ третьей частью „Дзядовъ“ и съ „Ustęp'омъ“. Прочитавъ въ обращеніи къ русскимъ знакомымъ горькій упрекъ Мицкевича въ измѣнѣ идеаламъ молодости, особенно въ томъ, что кто-либо изъ нихъ „подкупленнымъ языкомъ славитъ торжество царя и радуется мукамъ своихъ пріятелей“, Пушкинъ понялъ, что эти упреки относятся къ нему. Въ „Памятникѣ Петра Великаго“ онъ нашелъ уже прямое указаніе на себя и на эти идеалы молодости. Привыкнувъ отвѣчать на самыя ничтожныя нападки, Пушкинъ не могъ смолчать на подобный укоръ. Но отвѣтить было трудно. Конечно, можно было, не сходя съ занятаго мѣста, отвѣтить Мицкевичу тономъ оффиціально-патріотическихъ стихотвореній; но Пушкинъ былъ слишкомъ искрененъ и благороденъ душою, чтобы довольствоваться отвѣтомъ, который ему казался фальшивымъ. „Нѣтъ, онъ хотѣлъ высказать всю работу чувствъ и мыслей, вызванныхъ потрясающимъ ударомъ, и въ этомъ признаніи найти отраду для сердца и отповѣдь для великаго противника“.

Но обстоятельства личной жизни и другія литературныя работы отвлекали Пушкина отъ исполненія своего желанія. Только покончивъ съ дѣлами, поэтъ занялся отповѣдью Мицкевичу.

Въ черновыхъ бумагахъ Пушкина того времени найдены списки стихотвореній: „Oleszkiewicz“, „Pomnik Piotra Wielkiego“ и „Do przyjaciół Moskali“; имѣлъ онъ и другія произведенія Мицкевича, изъ которыхъ передъ на-

писаніемъ „Мѣднаго Всадника“ перевелъ двѣ баллады „Czaty“ и „Trzech Budrysów“ [1]). Эти переводы не имѣютъ никакой связи съ „Ustęp“’омъ и „Мѣднымъ Всадникомъ“; они только указываютъ на то, что въ это время мысль Пушкина постоянно обращалась къ Мицкевичу.

Какъ видно изъ черновыхъ бумагъ, „Мѣдный Всадникъ“ оконченъ въ послѣдніе три дня октября, а раньше начата поэма „Родословная моего героя“, которая, по первоначальному плану, должна была служить продолженіемъ „Онѣгина“. Познакомившись съ „Ustęp“’омъ и третьею частью „Дзядовъ“, Пушкинъ измѣнилъ свое намѣреніе: онъ прежде главное сдѣлалъ второстепеннымъ, второстепенное — главнымъ. „Наступило странное движеніе фантазіи“, такъ объясняетъ г. Третьякъ процессъ созданія „Мѣднаго Всадника“. Картины, вызванныя произведеніями Мицкевича, соединялись, смѣшивались, проникали другъ друга. Яснѣе всего выступали двѣ: памятникъ Петра Великаго и наводненіе. Первая картина была вызвана произведеніемъ, которое живѣйшимъ образомъ шевелило воспоминаніе о личномъ, дружескомъ отношеніи Пушкина къ Мицкевичу и нѣкоторымъ образомъ обременяло Пушкина общими взглядами на государственную идею Россіи. Вторая картина болѣе всего говорила воображенію поэта своею живописностью. При этомъ я думаю, что Пушкинъ нашелъ въ Мицкевичевскомъ описаніи наводненія или — точнѣе — дня передъ наводненіемъ мысль, которая особенно привлекла къ себѣ его вниманіе и стала одной изъ зачаточныхъ мыслей „Мѣднаго Всадника“. Эта мысль заключена въ слѣдующихъ стихахъ:

Ci w niskich domkach nikczemni poddani
Naprzód za niego będą ukarani;

1) У Пушкина названы: „Воевода“ и „Будрысъ и его сыновья“.

Bo piorun w martwe gdy bije żywioły,
Zaczyna z wierzchu od góry i wieży,
Lecz między ludźmi naprzód bije w doły,
I najmniej winnych najpierwej uderzy...

(т.-е. „Эти въ низкихъ домикахъ ничтожные подданные прежде всего за него будутъ наказаны; ибо громъ, когда ударяетъ въ мертвыя стихіи, начинаетъ сверху, съ горы и башни, а между людьми онъ прежде всего ударяетъ въ низины и поражаетъ раньше всѣхъ наименѣе виновныхъ“).

Эти двѣ картины слились, и около нихъ возникъ новый замыселъ, впитавшій въ себя изъ прежнихъ плановъ все, что могъ. Такъ возникъ „Мѣдный Всадникъ“.

По мнѣнію г. Третьяка, на основаніи варіантовъ къ „Мѣдному Всаднику“ и „Родословной моего героя“ возможно слѣдующимъ образомъ представить постепенное созданіе поэмы. Сперва Пушкинъ колебался, сдѣлать ли новаго героя продолженіемъ Онѣгина, или совершенно особымъ лицомъ, для котораго придумалъ фамилію Езерскій. Колебался также, сблизить ли съ собою этого героя, или же отодвинуть на почтенное разстояніе. Случилось, что Езерскій взялъ верхъ надъ Онѣгинымъ, бѣднякъ — надъ аристократомъ. Но мелкаго чиновника Езерскаго сблизилъ Пушкинъ съ собою, прибавивъ къ чиновной незначительности почтенную давность рода; чтобы рѣзче оттѣнить противоположность между теперешнимъ состояніемъ этого рода и его прошлымъ, поэтъ намѣревался во вступленіи дать обширную генеалогію Езерскаго. Это совпадало съ давнѣйшими планами поэта о защитѣ дворянства. Но потомъ Пушкинъ увидѣлъ, что для той роли, какую предназначалъ онъ своему герою, обширная генеалогія излишня, а ироническія замѣчанія въ защиту родовитости не отвѣчаютъ сущности, вызванной поэзіей Мицкевича. Поэтому наступило новое измѣненіе въ подробно-

стяхъ плана. Генеалогія была выдѣлена изъ „Мѣднаго Всадника“ въ особое произведеніе, а фамилію героя Пушкинъ замѣнилъ болѣе знакомымъ именемъ Евгенія.

Таковъ ходъ созданія поэмы „Мѣдный Всадникъ“, возникшей подъ вліяніемъ двухъ произведеній Мицкевича: „Олешкевичъ“ и „Памятникъ Петра Великаго“.

Идею поэмы Пушкина слѣдуетъ искать въ томъ кульминаціонномъ пунктѣ, когда Евгеній поднимаетъ съ угрозою руку на „чудотворнаго строителя“. По свидѣтельству князя П. П. Вяземскаго, въ первоначальномъ текстѣ поэмы угроза Евгенія была длиннѣе (отъ 30 до 40 стиховъ) и дышала необычайной ненавистью къ европейской цивилизаціи. Слова князя Вяземскаго, по мнѣнію г. Третьяка, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что монологъ Евгенія былъ направленъ противъ реформатора-Петра, уничтожающаго всякую народную индивидуальность. Европейской цивилизаціи Пушкинъ никогда не оказывалъ пренебреженія. „Ежели она могла показаться ему противною, то только тогда, когда становилась личинкой безъ содержанія, когда вмѣсто орудія для облагораживанія народа она становилась пыткою для него и средствомъ политики для деспотическаго правительства, словомъ, противною европейская цивилизація могла явиться ему только въ томъ видѣ, въ какомъ ее изобразилъ Мицкевичъ въ „Przeglądzie wojska“ (Pisma A. Mick., 1862 г., стр. 236), говоря:

„Piotra Wielkiego niechaj pamięć żyje:
Pierwszy on odkrył tę Caropedyę.
Piotr wskazał carom do wielkości drogę:
Widzał on mądre Europy narody,
I rzekł: Rossyę zeuropejczyć mogę,
Obetnę suknie i ogolę brody.
Rzekł — i wnet poły bojarów, kniazików
Scięto, jak szpaler francuskiego sadu;
Rzekł — i wnet brody kupców i mużyków
Sypią się chmurą, jak liście od gradu.

Piotr zaprowadził bębny i bagnety,
Postawił turmy. urządził kadety,
Kazał na dworze tańczyć menuety,
I do towarzystw gwałtem wwiódł kobiety;
I na granicach poosadzał straże,
I łańcuchami pozamykał porty;
Utworzył senat, szpiegi, dygnitarze,
Odkupy wódek, czyny i pasporty;
Ogolił, umył i ustroił chłopa,
Dał mu broń w ręce, kieszeń narublował,
I zadziwiona krzyknęła Europa:
Car Piotr Rosyę ucywilizował".

Въ черновыхъ набросказхъ Пушкина къ Исторіи Петра Великаго, напечатанныхъ впервые г. Анненковымъ въ „Вѣстникѣ Европы" (1880 г., № 6), находимъ свидѣтельство, что въ то время русскій поэтъ смотрѣлъ на цивилизаторскую дѣятельность этого государя глазами Мицкевича.

Сопоставляя „Мѣднаго Всадника" съ „Олешкевичемъ" Мицкевича, мы видимъ, что онъ имѣетъ съ послѣднимъ общую тему — наводненіе и общую мысль, что за проступки правителей несутъ наказаніе слабые и невинные подданные. Предсказанное въ „Олешкевичѣ" („Ci w niskich domkach" и пр.) стало дѣйствительностью въ „Мѣдномъ Всадникѣ".

Если сопоставить поэму Пушкина съ „Памятникомъ Петра Великаго" Мицкевича, то найдемъ еще болѣе важное сходство. У польскаго поэта Пушкинъ, „прославившійся пѣснями на весь Сѣверъ", клеймитъ памятникъ названіемъ „каскадъ тиранства"; въ „Мѣдномъ Всадникѣ" Евгеній поднимаетъ на него кулакъ съ молчаливой, но полной ненависти угрозой. И тутъ и тамъ европейскій индивидуализмъ вступаетъ въ борьбу съ азіатской идеей государства въ Россіи. Несмотря, однако, на сходство, есть и большое различіе между указанными

двумя произведеніями: „Памятникъ“ предсказываетъ побѣду индивидуализма, а „Мѣдный Всадникъ“ — его полное пораженіе.

Такимъ образомъ, „Мѣдный Всадникъ“ по отношенію къ „Олешкевичу“ есть только отголосокъ, по отношенію же къ „Памятнику“ не только отголосокъ, но и отвѣтъ на вызовъ Мицкевича. Этотъ отвѣтъ приблизительно таковъ: „Правда, я былъ и остаюсь провозвѣстникомъ свободы, врагомъ тираніи, но не явился ли бы я сумасшедшимъ, выступая на открытую борьбу съ послѣдней? Желая жить въ Россіи, необходимо подчиниться всемогущей идеѣ государства, иначе она будетъ меня преслѣдовать, какъ безумнаго Евгенія“.

Подкрѣпленіе своего мнѣнія г. Третьякъ находитъ въ стихотвореніи, относящемся къ тому же году, что и „Мѣдный Всадникъ“, и начинающемся стихами:

„Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума“.

Въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ ясно говоритъ о сумасшествіи того поэта, который хотѣлъ быть пѣть о свободѣ въ Россіи. Но указаннымъ далеко не ограничивается сходство между „Мѣднымъ Всадникомъ“ и поэзіей Мицкевича.

Поэмѣ своей Пушкинъ предпослалъ вступленіе, въ которомъ съ любовью изобразилъ Петербургъ. Въ художественномъ отношеніи великолѣпная картина столицы производитъ большой эффектъ своимъ контрастомъ съ мрачнымъ образомъ наводненія, разоренія и безумства. Но этимъ не исчерпывается значеніе вступленія.

Нельзя согласиться съ мнѣніемъ г. Спасовича, что это вступленіе написалъ Пушкинъ по цензурнымъ соображеніямъ, какъ маскировку того, что изображено въ главной части поэмы.

Нельзя принять мнѣніе г. Спасовича потому, что цен-

зура не дозволила напечатать всю поэму, которая появилась въ печати по смерти поэта.

Необходимо сопоставить это вступленіе съ сатирами Мицкевича, объединенными заглавіемъ „Ustęp“ и говорящими главнымъ образомъ о Петербургѣ. Въ двухъ изъ нихъ — „Przedmieścia stolicy“ и „Petersburg“ — Мицкевичъ изобразилъ сѣверную столицу слишкомъ мрачными красками. Пушкинъ отвѣтилъ апологіею Петербурга. Г. Третьякъ подробнымъ анализомъ поэмы Пушкина и сатиръ Мицкевича ясно показываетъ, насколько нашъ поэтъ руководился произведеніями польскаго поэта.

Вотъ подробности этого анализа.

Мицкевичъ свое описаніе Петербурга начинаетъ указаніемъ, какъ возникъ этотъ городъ:

> ...Błotne okolice
> Car upodobał i stawić rozkazał,
> Nie miasto ludziom, lecz sobie stolicę:
> Car tu wszechmocność swej woli pokazał.

На это Пушкинъ отвѣтилъ стихами:

> И думалъ онъ:
> „Отсель грозить мы будемъ шведамъ“ и т. д.

Мицкевичъ, осмѣивая нагроможденіе разностильныхъ домовъ на предмѣстьяхъ столицы, обращаетъ вниманіе на то, что каждый изъ нихъ стоитъ за желѣзными рѣшетками:

> Różnych porządków, różnych kształtów domy,
> Jako zwierzęta z różnych końców ziemi,
> Za parkanami stoją żelaznemi
> Wosobnych klatkach...

Отвѣтъ Пушкина:

> „Люблю твой строгій, стройный видъ,
> Невы державное теченье,

Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный" и т. д.

Мицкевичъ пишетъ:

Tu ludzie biegą każdego mróz goni...
Każdego oczy zmuczone, twarz blada...

Пушкинъ отвѣчаетъ:

Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ...

У Мицкевича:

W ulicach kocze, karety, landary
Mimo ogromu i bystrego lotu
Na łyżwach błysną, znikną bez łoskotu,
Jak w ponarama czarodziejskie mary...

У Пушкина:

(Люблю)
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой.

У Мицкевича:

Pośrodku damy...
Białe jak sniegi, rumiane jak raki.

У Пушкина:

(Люблю)
Дѣвичьи лица ярче розъ.

Мицкевичъ пишетъ:

Lecz bohatery tak podobne sobie,
Tak jednostajne! stoi chłop przy chłopie,
Jako rząd koni źujących przy żłobie...

Пушкинъ отвѣчаетъ:

Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,

Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость...

Мицкевичъ:

Ambassadory zagranicznych rządów
. . . .
Już pówtórzyli raz tysiączny drugi
. . . .
Źe kto nie widział, nigdy nie uwierzy,
Jaki tu zapał i męstwo żołnierzy.

Пушкинъ:

(Люблю)
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сїянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь простреленныхъ въ бою...

Даже въ заключительныхъ словахъ вступленія:

„Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія“

возможно, по мнѣнію г. Третьяка, видѣть намекъ на Польшу.

Такъ Пушкинъ оборонялъ Петербургъ отъ ударовъ мицкевичевской сатиры.

Въ заключеніи своей монографіи г. Третьякъ разсматриваетъ вопросъ, поднятый уже раньше г. Спасовичемъ, о томъ, были ли слова о Памятникѣ, вложенныя Мицкевичемъ въ уста Пушкина, только поэтическимъ вымысломъ. По мнѣнію г. Третьяка, эти слова могли быть въ самомъ дѣлѣ сказаны Пушкинымъ въ присутствіи Мицкевича.

Подтвержденіе своего мнѣнія онъ видитъ въ томъ, что и „Памятникъ“ Мицкевича, и „Мѣдный Всадникъ“ Пушкина одинаково изображаютъ фигуру Петра Великаго.

У Мицкевича два раза упоминается о картинѣ Петра на лошади. Въ началѣ сатиры „Памятникъ Петра Великаго“ говорится:

Po grunt dla niego posłano za morze.
Posłano wyrwać z finlandzkich nadbrzeży
Wzgórek granitu; ten na Pani sławo
Płyne po morzu i po lądzie bieży,
I w mieście pada nawznak przed carową.

Въ примѣчаніи къ послѣднему стиху Мицкевичъ сказалъ, что послѣдній стихъ взятъ имъ у одного русскаго поэта, фамиліи котораго онъ не помнитъ. Пушкинъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ“, изображая „гиганта на бронзовомъ конѣ“, ссылается въ примѣчаніи на описаніе памятника Мицкевича и сообщаетъ, что оно заимствовано изъ „Надписи“ В. Г. Рубана.

Такимъ образомъ, Пушкинъ лучше Мицкевича зналъ, у кого этотъ послѣдній заимствовалъ стихи. Очевидно, что Пушкинъ это зналъ потому, что самъ сообщилъ стихъ Рубана во время стоянія у памятника Петра Великаго.

Вторично Мицкевичъ говоритъ о конной фигурѣ Петра въ концѣ сатиры:

Car Piotr wypuścił rumakowi wodze,
Widać, że leciał tratując po drodze,
Od razu wskoczył aż na sambrzey skały.
Już koń szalony wzniósł w górę kopyta,
Car go nie trzyma, koń wędzidłem zgrzyta,
— Zgadniesz, że spadnie i pryśnie w kawały.

Въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ находимъ аналогію:

Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?
О, мощный властелинъ судьбы!
Не такъ ли ты надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію вздернулъ на дыбы?

Четыре послѣдніе стиха, по мнѣнію г. Третьяка, очень неясны, точно поэтъ хотѣлъ затемнить ихъ значеніе для цензуры. Надъ какою пропастью вздернулъ Петръ Россію на дыбы? Нельзя этихъ стиховъ относить ни къ усмиренію стрѣлецкихъ бунтовъ, ни къ Полтавскому бою. Но, сопоставивъ ихъ съ двумя предыдущими, найдемъ ту же мысль, что и у Мицкевича, именно: Пушкинъ не отвѣчаетъ прямо на вопросъ — гдѣ конь опуститъ копыта? — но изъ послѣдующихъ стиховъ легко догадаться, что только можетъ онъ ринуться въ пропасть, потому что только пропасть имѣетъ предъ собою. Такъ, по мнѣнію г. Третьяка, Пушкинъ обозначилъ, что̀ собственно принадлежало ему въ словахъ, приписанныхъ ему Мицкевичемъ въ сатирѣ „Памятникъ Петра Великаго“.

Затѣмъ г. Третьякъ изображаетъ случай изъ жизни Пушкина, показывающій, что съ поэтомъ произошло то же самое, что случилось и съ героемъ „Мѣднаго Всадника“ Евгеніемъ. Это эпизодъ объ отставкѣ Пушкина.

Наконецъ, онъ разсматриваетъ стихотвореніе „Мицкевичъ“ и защищаетъ польскаго поэта отъ обвиненій, которыя бросилъ ему русскій поэтъ.

Таково изслѣдованіе Краковскаго профессора о взаимныхъ вліяніяхъ двухъ великихъ славянскихъ поэтовъ. Въ этомъ сочиненіи г. Третьяка, наиболѣе интересномъ для русскаго читателя, находимъ тѣ же недостатки, какіе отчасти указаны были нами и въ другихъ его этюдахъ, вошедшихъ въ разбираемую книгу.

Эти недостатки — нѣсколько легкомысленное обращеніе съ фактами біографическими, и особенно произвольное истолкованіе произведеній Пушкина. Таковы, напр., страницы 221, 223 и 224 его книги, гдѣ онъ говоритъ объ „Анчарѣ“ и „Полтавѣ“. Нельзя не указать и на то, что Краковскій профессоръ иногда очень довѣряетъ фактамъ и свѣдѣніямъ, достовѣрность которыхъ требуетъ

еще провѣрки. Таково извѣстіе князя П. П. Вяземскаго о монологѣ обезумѣвшаго Евгенія. Вотъ что читаемъ мы у одного изъ послѣднихъ комментаторовъ сочиненій Пушкина. Свое извѣстіе о пропускѣ 30 стиховъ, въ которыхъ будто бы звучала ненависть къ европейской цивилизаціи, князь П. П. Вяземскій сообщилъ уже послѣ смерти А. О. Россети. Онъ „не говоритъ: въ чьемъ чтеніи, когда и гдѣ слышалъ покойникъ этотъ монологъ, а также не указываетъ, что *самъ* когда-нибудь его слышалъ. Но еслибъ *монологъ* дѣйствительно существовалъ и его кто-нибудь зналъ, то объ этомъ должны были бы сохраниться воспоминанія въ запискахъ, перепискѣ и т. п. Сверхъ того, отецъ князя, Петръ Андреевичъ, по своей близости къ Пушкину и по ревностному старанію о „наполненіи" своего Остафьевскаго Архива, *несомнѣнно* истребовалъ бы отъ Пушкина даже автографъ, а не копію. Но вотъ что я знаю относительно А. О. Россети". Въ 1880 г., когда устраивалась Пушкинская выставка, г. Ефремовъ, авторъ цитированныхъ выше словъ, въ присутствіи князя Павла Петровича Вяземскаго, спросилъ у Ал. Ив. Арнольди, брата по матери Россетовъ, не нашлось ли въ бумагахъ его брата, Аркадія Осиповича Россети, монолога безумнаго Евгенія къ статуѣ Петра. „Арнольди отвѣчалъ, что ничего подобнаго не нашлось, и что онъ *не только не видалъ* монолога у брата, но даже *никогда ничего* объ этомъ отъ него *не слыхалъ*. Князь послѣ этого не сказалъ *ни единаго слова*"... (Соч. Пушкина, 1905 г., т. VIII, стр. 458—459).

Невѣрность этого выдуманнаго княземъ П. П. Вяземскимъ извѣстія отчасти исправляетъ и самъ г. Третьякъ, доказывая, что не противъ европейской цивилизаціи былъ направленъ монологъ, а противъ Петра. Тѣмъ не менѣе, на этомъ невѣроятномъ извѣстіи Краковскій профессоръ строитъ свои выводы о „Мѣдномъ Всадникѣ".

Несмотря, однако, на указанные недочеты, мы должны

быть признательны польскому писателю, который взялся за нелегкую задачу объяснить генезисъ „Мѣднаго Всадника“, который уже во времена Бѣлинскаго казался какимъ-то страннымъ произведеніемъ, неяснымъ, недоконченнымъ.

Послѣ изслѣдованія г. Третьяка, указавшаго на связь „Мѣднаго Всадника“ съ сатирами Мицкевича, собранными подъ заглавіемъ „Ustęp“, эта связь и зависимость стали если не непреложнымъ фактомъ, то такимъ, съ которымъ приходится считаться[1]).

Намъ кажется, что г. Третьякъ *неудачно освѣтилъ внутренній* міръ русскаго поэта, его политическія воззрѣнія, его идеалы. Въ этомъ случаѣ вопросъ подлежитъ новому пересмотру, и очень желательно, чтобы этотъ трудъ взяли на себя русскіе ученые. Г. Третьякъ освѣтилъ творца „Мѣднаго Всадника“ односторонне въ отношеніяхъ его къ Императору Николаю, не обративъ вниманія на собственныя признанія поэта. Мы не можемъ вполнѣ согласиться съ справедливостью и заключительныхъ словъ г. Третьяка. „Był to wielki mistrz słowa, говоритъ онъ о Пушкинѣ, „o wysokiem poczuciu miary artystycznej, o szlachetnych dążeniach, ale niebył zdolny odpowiedzieć trudnemu położeniu wieszcza młodej, garnącej się do światła i wolsci Rosyi; nie miał w sobie materyału na wielkiego obywatela. Do tego brakło jego organizacyi duchowej tego kleju, który głęboko odczułe ideały czyni niewzruszonymi, pozwala stawiać czoło największym pokusom i przeciwnościom losu i nadaje posągowość postaciom takich poetów, jak Dante, Milton lub Mickiewicz“.

Въ заключеніе не можемъ не замѣтить, что книга г. Третьяка, въ которой русскій народъ не разъ противо-

---

1) Авторъ этой замѣтки о книгѣ проф. Третьяка надѣется вскорѣ посвятить особую статью подробному анализу гипотезы Краковскаго ученаго о генезисѣ „*Мѣдный Всадникъ*“.

поставляется правительству, государству, весьма кстати появилась въ 1906 г., когда въ Россіи началась борьба съ тою тираніею, какую съ такой ненавистью бичевалъ въ своемъ „Ustęp'ѣ" Мицкевичъ. Такимъ образомъ книга Краковскаго профессора имѣетъ до нѣкоторой степени, кромѣ научнаго, и злободневный интересъ.

Сергѣй Браиловскій.

Г. Умань.
1907 г. Февраль.

УКАЗАТЕЛЬ.

Австрія, 60.
Азовъ, 92.
Александръ I, Императоръ, 38, 79.
„Алфавитъ членамъ бывшихъ злоумышленныхъ тайныхъ обществъ и лицамъ, прикосновеннымъ къ дѣлу, произведенному Высочайше учрежденною 17 декабря 1825 года Слѣдственною Коммиссіею“, 24, 29, 35.
„Ангелъ“, стих. А. С. Пушкина, 76.
Анненковъ, П. В., 19, 20, 21, 22, 23, 33, 39, 69, 70, 71, 72, 100.
Анненскій, Николай Николаевичъ, 2.
„An Russlands Lästerer“, — „Клеветникамъ Россіи“, А. С. Пушкина, въ нѣмецкомъ переводѣ, 61, 62.
Анстетъ, баронъ Иванъ Осиповичъ, 61, 62, 63.
„Анчаръ“, стих. А. С. Пушкина, 90, 106.
„Арапъ Петра Великаго“, А. С. Пушкина, 69.
Арзрумъ, 54, 92.
Арина Родіоновна, няня Пушкина, 68, 69, 71, 72.
Аристидъ, 74, 76.
Арнольди, Ал. Ив., 107.
Arps, C., 70.
Архангельская губернія, 67.
Баварія, 60, 63.
Баденъ, 61, 63.
Баженовъ, Иванъ Александровичъ, 3.
Байронъ, 82, 83, 84, 85, 91.
Бакунинъ, Александръ Павловичъ, 2.
Барковъ, Дм. Ник., 24, 28, 32, 34.
Бартеневъ, П. И., 19, 20, 21, 22, 32, 39, 73.
Баумгартенъ, Николай Карловичъ, 3.
„Бахчисарайскій Фонтанъ“, А. С. Пушкина, 83, 84.
Бенкендорфъ, гр. А. Х., 38.
Берлинъ, 35.
„Библіотека для чтенія“, 76.
„Бова“, А. С. Пушкина, 52.
Боденштедтъ, Фридрхъ, 64.
„Борисъ Годуновъ“, А. С. Пушкина, 57, 59, 65.
„Бородинская годовщина“, А. С. Пушкина, 84, 93.
Брайловскій, Сергѣй Николаевичъ, 109.
Бриггенъ, фонъ-деръ, А. Ѳ., 43.
Брогліо, графъ Сильверій Осиповичъ, 2.
Брусиловъ, Николай Николаевичъ, 3.
„Будрысъ и его сыновья“, стих. А. С. Пушкина, 97.

Бузырева, Арина Егоровна — см. няня Дубровскаго.
Бурминъ (изъ „Метели" А. С. Пушкина), 54, 56.
Бурцовъ, Иванъ Григор., 24, 26, 28.
Бурьенъ, 51.
Бухало, Василій, 3.
„Быть можетъ, не одинъ клейму подставилъ лобъ....", А. Мицкевича, 95.
Бѣлинскій, В. Г., 108.
Бѣлуха, Андрей Андреевичъ, 3.
Бѣлуха, Михаилъ Андреевичъ, 3.

Вакхъ, 21.
„Валленродъ" — см. „Конрадъ Валленродъ".
Валленродъ, Конрадъ, герой поэмы А. Мицкевича, 84, 91.
Варлаамъ (изъ „Бориса Годунова" А. С. Пушкина), 65.
Варшава, 79, 93, 95.
Васьковъ, Николай Ивановичъ, 4.
Велькеръ, 63.
Венгеровъ, Семенъ Аѳанасьевичъ, 21, 85.
Веселовскій, А. Н., 21.
„Westbote", листокъ, 60, 63.
Виландъ, 52.
Виноградовъ, Николай, 67.
Вишневецкій, 57.
Вишнитцеръ, М., 35.
Владимірская губернія, 67.
„Воевода", стих. А. С. Пушкина, 97.
Волконская, княгиня Зинаида, 87.
Вольное Общество Любителей Россійской Словесности, 79.
Вольтеръ, 52, 53.
Вольховскій, Владиміръ Дмитріевичъ, 3.
Воронежская губернія, 67.
Воронихинъ, Александръ Андреевичъ, 4.
Воронцова, графиня Елизавета Ксаверіевна, 76, 77, 78.
Воронцовъ, князь Мих. Сем., 77.
Воронцовы, графъ и графиня, 77.
„Воспоминаніе", стих. А. С. Пушкина, 90.
„Воспоминаніе о піитической жизни Пушкина", Ѳ. Н. Глинки, 76.
„Вотъ онъ, пріютъ гостепріимной", стих. А. С. Пушкина, 22.
Всеволожскіе, 32, 34.
Всеволожскій, Никита Всеволодовичъ, 19, 22, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 42.
„Всеволожскому", стих. А. С. Пушкина, 22.
Вяземскій, князь Павелъ Петровичъ, 99, 107.
Вяземскій, князь Петръ Андреевичъ, 75, 107.

Галаховъ, Сергѣй Павловичъ, 5.
„Галубъ", поэма А. С. Пушкина, 92, 93.
Ганнибалъ, Марія Алексѣевна, 68.
Ганъ, Евгеній Ѳедоровичъ, 5.
Гацисскій, А. С., 35.
„Герой", стих. А. С. Пушкина, 51, 52.
Германія, 60.
Германскій Союзъ, 60, 61, 62.
Геслингъ, Николай Николаевичъ, 5.
Геснеръ, 52.
Гёте, 82.
Геттингенскій университетъ, 35.
Гнѣдичъ, Николай Ивановичъ, 34.
Гнѣдичъ, Николай Петровичъ, 5,
Глинка, Ѳ. Н., 29, 31, 34, 36, 37, 42, 43, 73, 74, 75, 76.
„Городокъ", А. С. Пушкина, 52.
Горчаковъ, князь Александръ Михайловичъ, 4.
Гревеницъ, баронъ Павелъ Ѳедоровичъ, 4.
Гротъ, Конст. Яковл., 35.
„Гяуръ", Байрона, 84.

„Да будетъ проклятъ правды свѣтъ", А. С. Пушкина („Герой"), 51.

„Давно рѣшилась непреложно“ (отрывокъ изъ „Полтавы“ А. С. Пушкина), 92.
„Данаиды“ (Danaidy), сонетъ Мицкевича, 59.
Данте, 108.
„26 мая 1828“, стих. А. С. Пушкина, 90.
Деволантъ, Александръ Францовичъ, 6.
Деларю, Сергѣй (Даниловичъ?), 2, 6.
„Дзяды“, А. Мицкевича, 83, 84, 93, 94, 96, 97.
Дельвигъ, баронъ А. А., 17, 24, 27, 32, 34, 73, 88.
Добро и Правда, общество, 31, 42.
Донскіе казаки (Донцы), 58.
„Донъ-Жуанъ“, опера, 54.
„Дополненіе къ третьей части Дзядовъ“, А. Мицкевича, 94.
„Do przyjaciól Moskali“, А. Мицкевича, 94, 95, 96.
„Дорога въ Россію“ („Droga do Rossyi“), А. Мицкевича, 94.
Дрезденъ, 70.
„Дубровскій“, повѣсть А. С. Пушкина, 70.
Дубровскій, Андрей Гавриловичъ, герой повѣсти, 71.
Дубровскій, Владиміръ Андреевичъ, герой повѣсти, 68, 69, 70, 71.

Евгеній (изъ „Мѣднаго Всадника“ А. С. Пушкина), 99, 100, 101, 106, 107.
„Евгеній Онѣгинъ“, А. С. Пушкина, 83, 84, 95, 96, 97.
Европа, 62, 82, 93, 99, 100.
„Египетскія ночи“, А. С. Пушкина, 54.
„Eine Freundin Puschkins“, статья С. Arps, 70.
Екатерина II, Императрица, 87.
Есаковъ, Семенъ Семеновичъ, 7.
Ефименко, А. Е., 67.
Ефремовъ, П. А., 20, 29, 32, 33, 107.

Жадовскій, Анастасій Евстафьевичъ, 35.
Жадовскій, Иванъ Евстафьевичъ, 31, 34, 35, 42.
Жеребцовъ, Семенъ, 7.
Жуковскій, В. А., 93, 95.

Замятнинъ, Дмитрій Николаевичъ, 7.
„Записки В. П. Зубкова“, 24, 28.
„Здорово, рыцари лихіе“, стих. А. С. Пушкина, 23.
Зеленая Лампа, общество, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 42.
Зибенпфейфферъ, д-ръ Ф. Я., 63.
Зубковъ, Василій Петровичъ, 24, 28.

Икскюлль, баронъ Александръ Карловичъ, 8.
Илличевскій, Алексѣй Демьяновичъ, 7.
„Исторія Петра Великаго“, А. С. Пушкина, 100.
„Исторія Пугачевскаго бунта“, А. С. Пушкина, 51.

Іерусалимъ, 14.
„Idea Wallenroda“, статья I. Третьяка, 80.
„Journal de St. Pétersbourg“, 35.
„Journal d'Odessa“, 77, 78.

Каверинъ, Петръ Павл., 21, 34, 35.
„Кавказскій Плѣнникъ“, А. С. Пушкина, 82.
Казанская губернія, 67.
Казань, 65, 66.
„Каинъ“, Байрона, 84.
„Какъ во городѣ было во Казани“, пѣсня Варлаама, 65, 66.
„Каменный гость“, А. С. Пушкина, 54.
Камены, 80.
Капгеръ, Иванъ Христіановичъ, 10.

Капнистъ, колл. асс., 43.
Карамзинъ, Н. М., 32.
Карамышевъ, Модестъ Дмитріевичъ, 9.
Карела, казакъ, 58.
Катенинъ, прапорщикъ, 42.
Кашкинъ, Сергѣй Николаевичъ, 31.
Кёлеръ, Дмитрій, 2 (ошибочно напечатано Козловъ), 10.
Керимъ-Гирей (изъ „Бахчисарайскаго фонтана"), 84.
Кернъ, Анна Петровна, 90.
Китай, 62.
Киеера, 21.
„Клеветникамъ Россіи", стих. А. С. Пушкина, 60, 61, 84, 94.
Клопштокъ, 52.
Кобеко, Дмитрій Ѳомичъ, 2.
Козельскій, Михаилъ, 9.
Козловъ, Дмитрій — см. Кёлеръ.
Колхида, 62.
Конрадъ (изъ „Дзядовъ" А. Мицкевича), 84, 94.
„Конрадъ Валленродъ", А. Мицкевича, 80, 83, 91.
Корсаковъ, Николай Александровичъ, 8.
„Корсаръ", Байрона, 84.
Корфъ, баронъ Модестъ Андреевичъ, 9.
Корфъ, баронъ Юлій Ѳедоровичъ, 9.
„Корчма на Литовской границѣ", сцена изъ „Бориса Годунова", 65.
Коршъ, Ѳеодоръ Евгеньевичъ, 59.
Костенскій, Константинъ Дмитріевичъ, 8.
Костромская губернія, 67.
Котляревскій, Несторъ Александровичъ, 85.
Коцебу, Л., 8.
Краевскій, А. А., 77.
Краковскій Университетъ, 80.
„Краткое описаніе различныхъ тайныхъ обществъ, коихъ дѣйствительное или мнимое существованіе обнаружено Слѣдственною Коммиссіею", 25, 31, 36.
Кремль, 62.
Крузенштернъ, Александръ Ивановичъ, 9.
Курбскій, 57.
„Къ Пушкину", посланіе Ѳ. Н. Глинки, 75.

Лабзинъ, Александръ Ѳедоровичъ, 29.
Лавра (Laura), 55.
Лангеръ, Валеріанъ Платоновичъ, 2, 11.
Ларошъ, 35.
Ласточка, карлица (изъ „Арапа Петра Великаго"), 69.
Левашовъ, В. В., 26.
Лемке, Михаилъ Константиновичъ, 38.
Леопольдъ, великій герцогъ баденскій, 63.
Лернеръ, Николай Осиповичъ, 78.
Линде, С. Б., 79.
Липхартъ, Александръ Александровичъ, 11.
Литва, 61.
Литовская граница, 65.
Ломоносовъ, Сергѣй Григорьевичъ, 11.
Лонгиновъ, М. Н., 31.

Магницкій, 66, 67.
„Das Magazin für die Litteratur des In- und Auslandes", Wochenschrift der Weltlitteratur, 70.
Мазепа, 91.
Майнъ, рѣка, 62.
Малиновскій, Андрей Васильевичъ, 13.
Малиновскій, Иванъ Васильевичъ, 12.
Малороссія, 28.
Мамка княгини (изъ „Русалки"), 69.
Мансуровъ, Пав. Бор., 23, 34.
„Манфредъ", Байрона, 81.
Марсовы поля, 103.
Мартыновъ, Александръ Ивановичъ, 12.

Марья Гавриловна (изъ „Метели“ А. С. Пушкина), 54, 56.
Масловъ, Дмитрій Николаевичъ, 11.
„Матеріалы для біографіи Пушкина“, П. В. Анненкова, 69, 71.
Матюшкинъ, Өедоръ Өедоровичъ, 11.
Мертваго, Николай Дмитріевичъ, 13.
Местмахеръ, баронъ Николай Өедоровичъ, 13.
„Метель“, А. С. Пушкина, 54, 55.
Меттернихъ, 63.
Миклашевскій, 43, 46, 50.
Миллеръ, Карлъ Карловичъ, 13.
Милорадовичъ, графъ М. А., 75.
Мильтонъ, 108.
Миронова, Маша (изъ „Капитанской дочки“), 68.
Митьковъ, полк., 44.
Михайловское, сельцо 57, 59, 69.
Мицкевичъ, Адамъ, 58, 59, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 108, 109.
„Мицкевичъ“, стих. А. С. Пушкина, 86, 88, 106.
„Mickiewicz i Puszkin“, книга Józef'a Tretiak'a, 79—109.
„Mickiewicz i Puszkin jako bajroniści“, статья І. Третьяка, 82.
„Młodść Puszkina“, этюдъ І. Третьяка, 81.
Модзалевскій, Борисъ Львовичъ, 20, 24, 28, 34, 35, 41, 78.
Морозовъ, Петръ Осиповичъ, 21, 72.
Москва, 37, 62, 80, 87, 88, 96.
„Московскія Вѣдомости“, 19.
Моцартъ, 35.
„Моя родословная“, стих. А. С. Пушкина, 96.
„Мѣдный Всадникъ“, А. С. Пушкина, 87, 97, 98, 99, 100, 101, 104, 105, 106, 107, 108.

„На взятіе Варшавы“, сборн. стих. Пушкина и Жуковскаго, 93, 95.
„Надпись“, В. Г. Рубана, 105.
Наполеонъ, 51.
Нарышкинъ, Левъ Кириловичъ, 13.
Неаполь, 48.
Нева, 102, 103.
Неклюдовъ, Василій Николаевичъ, 13.
Нессельроде, графъ, 60.
Николай I, Императоръ, 24, 29, 81, 108.
Никольскій, В. В., 81, 85.
Новиковъ, Н. И. 66, 67.
Новороссійскій университетъ, 76.
Нѣмцевичъ, 81.
Няня Дубровскаго, 68, 69, 70, 71, 72.
Няня Татьяны и Ольги Лариныхъ (изъ „Евгенія Онѣгина“), 69.

Оболенскій, князь Евгеній Петровичъ, 31, 37, 40, 42, 43, 44.
Одесса, 55, 56, 59, 77, 78.
„Одесскій Вѣстникъ“, 77, 78.
Одынецъ, 88, 91.
Озеровъ, Сергѣй Петровичъ, 14.
„Олешкевичъ“ („Oleszkiewicz“), А. Мицкевича, 87, 94, 96, 99, 100, 101.
Ольга (изъ „Евгенія Онѣгина“), 69.
Онѣгинъ, герой романа, 98.
Орелъ, гор., 36, 43.
Орликъ, 91.
Орловъ, Михаилъ Өедоровичъ, 26.
Остенъ-Сакенъ, баронъ Өедоръ Романовичъ, 1.

Павловъ-Сильванскій, Николай Павловичъ, 26.
„Памятникъ“, стих. А. С. Пушкина, 81.
„Памятникъ Петра Великаго“ („Pomnik Piotra Wielkiego“), А. Мицкевича, 87, 90, 94, 96, 99, 100, 101, 104, 105, 106.
Панчулидзевъ, Сергѣй Алексѣевичъ, 32.
„Панъ Тадеушъ“, А. Мицкевича, 58, 80, 83, 84.
Парижъ, 29, 45, 46, 48, 49, 50.
Пащенко, Николай Семеновичъ, 14.

Пензенская губернія, 66, 67.
Пермская губернія, 66, 67.
Пермь, 62.
Песочное (изъ „Дубровскаго"), 70, 71.
Пестель, П. И., 24, 26, 27.
Петербургъ (см. С.-Петербургъ).
„Петербургъ" („Petersburg"), А. Мицкевича, 94, 102.
Петрарка, 55.
Петръ Великій, 69, 87, 90, 91, 92, 93, 94, 96, 97, 99, 100, 104, 105, 106, 107.
„Piotra Wielkiego niechaj pamięć żyje", стихи А. Мицкевича, 99.
„Pisma Ad. Mickiewicza", 94, 99.
„Подруга дней моихъ суровыхъ", стих. А. С. Пушкина, 72.
„Подснѣжникъ", альманахъ 1830 г., 75.
Познякъ, Иванъ Дмитріевичъ, 14.
Полки:
Гренадерскій короля Прусскаго, 35;
Л.-гв. Егерскій, 28, 34, 37;
Л.-гв. Измайловскій, 37, 43, 46;
Л.-гв. Павловскій, 45;
С.-Петербургскій Гренадерскій, 35;
Л.-гв. Семеновскій, 28, 35.
Полтава, 91.
„Полтава", А. С. Пушкина, 84, 91, 92, 106.
Полтавская битва, 91, 106.
Польша, 93, 94, 101.
Поповъ, Михаилъ Николаевичъ, 14.
Прага, 62.
Прачъ, Иванъ, 67.
„Предчувствіе", стих. А. С. Пушкина, 90.
„Пріѣду я въ началѣ мрачномъ октября", стих. А. С. Пушкина, 22.
Прокунинъ, 67.
„Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты", элегія А. С. Пушкина, 56.
„Прощанье" (Pożegnanie), сонетъ Мицкевича, 59.
„Прощанье изъ Чайльдъ-Гарольда", А. С. Пушкина, 83.
Пруссія, 60.
„Przedmieścia stolicy", А. Мицкевича, 94, 102.
„Przegląd wojska", А. Мицкевича, 94, 99.
„Путешествіе въ Арзрумъ", А. С. Пушкина, 54, 92.
Пушкинская выставка, 107.
Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ, 14, 19, 20, 21, 22, 23, 29, 32, 33, 34, 36, 38, 39, 41, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 61, 65, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108.
„Пушкинъ въ южной Россіи", П. И. Бартенева, 19.
Пушкинъ, Гаврила Григорьевичъ, 57.
„Пушкинъ. Жизнь и творчество", В. В. Сиповскаго, 21.
„Пушкинъ и его современники", 29, 34, 41, 65, 80.
„Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго", статья В. Д. Спасовича, 87.
„Puszkin i Rosya", этюдъ І. Третьяка, 81.
Пушкинъ, Левъ Сергѣевичъ, 34, 74.
„Пушкинъ на югѣ", ст. Бартенева, 20.
„Пѣсенникъ", Новикова, 66, 67.
„Пѣсня Варлаама", замѣтка В. Чернышева, 65.

Рашетъ, Иванъ Карловичъ, 15.
Ржевуская, Каролина — см. Собаньская.
Ржевускій, Генрихъ, 59.
Ризничъ, г-жа, 56, 59.
Римъ, 8.
Ритмейстеръ, Александръ Васильевичъ, 15.

Рихтеръ, Александръ Борисовичъ, 15.
Рихтеръ, Константинъ Борисовичъ, 14.
Робакъ (изъ „Пана Тадеуша“, А. Мицкевича), 83, 84.
Родзянко, Арк. Гавр., 24, 28, 34.
„Родословная моего героя“, А. С. Пушкина, 96, 97, 98.
Розенъ, баронъ Өедоръ Өедоровичъ, 15.
Россети, Аркадій Осиповичъ, 107.
Россія, 19, 24, 27, 28, 35, 37, 41, 44, 60, 61, 62, 70, 76, 77, 81, 84, 91, 93, 94, 97, 99, 100, 101, 105, 106, 108, 109.
Рубанъ, Василій Григорьевичъ, 105.
„Русалка“, А. С. Пушкина, 69.
Русскіе рыцари, общество, 26.
Рылѣевъ, Кондр. Өедор., 80.
Рябово, имѣніе, 32.

Савичъ, Николай Ивановичъ, 15.
Саврасовъ, Петръ Өедоровичъ, 15.
Самозванецъ, 57, 58.
Семевскій, Мих. Ив., 32.
Семеновъ, 31, 37, 41, 42, 43, 46, 47, 48, 49.
„Ce qui plait aux dames“, сатира Вольтера, 52.
Сестрорѣцкъ, 39.
Симбирская губернія, 66, 67.
Сиповскій, Василій Васильевичъ, 21.
„Ślady wpływu Mickiewicza w poezyi Puszkina“, статья I. Третьяка, 82, 86.
Смирновъ, (Степанъ Ивановичъ?), 16.
Снегиревъ, 66, 67.
Собаньская, Каролина, рожд. Ржевуская, 59.
Собаньскіе, 59.
Собаньскій, Гіеронимъ, 59.
Собаньскій (изъ „Бориса Годунова“), 57, 58, 59.
Собаньскій (одесскій), 56, 58, 59.
Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ, 65, 66.
„Собраніе насѣкомыхъ“, А. С. Пушкина, 75.
„Современникъ“, 34.
„Сожженное письмо“, стих. А. С. Пушкина, 76.
„Сонникъ современной русской литературы“, Н. Ө. Щербины, 75.
„Сонъ“, А. С. Пушкина, 83.
„Соревнователь“, журн., 79.
„Сочиненія и письма А. С. Пушкина“, изд. товарищества „Просвѣщеніе“, 72
„Сочиненія Пушкина“, изд. Академіи Наукъ, 22.
„Сочиненія Пушкина“, изд. подъ ред. С. А. Венгерова, 21.
„Сочиненія Пушкина“, изд. подъ ред. П. А. Ефремова, 33.
„Сочиненія А. С. Пушкина“, изд. 1887 г., 86.
Сочиненія Пушкина, изд. 1905 г., 107.
Союзъ Благоденствія, 25, 28, 29, 35, 36, 37, 38, 39, 40.
Спасовичъ, В. Д., 87, 89, 101, 104.
Спафарьевъ, Аполлинарій Леонтьевичъ, 15.
С.-Петербургъ, 22, 28, 35, 37, 43, 48, 70, 78, 80, 88, 90, 94, 95, 101, 102, 104.
Стевенъ, Фридрихъ Христіановичъ, 15.
Сумцовъ, Ник. Өедор., проф., 72, 81.
„Сцена изъ Фауста“, А. С. Пушкина, 52.
„Сынъ Отечества“, 75.
Сѣверное Общество, 40.
„Сѣверные Цвѣты“, альманахъ, 73.

Таврида, 62.
Тазитъ (изъ поэмы „Галубъ“ А. С. Пушкина), 92.
„Талисманъ“, стих. А. С. Пушкина, 76.
Тамбовская губернія, 67.

Танъ, 95.
Татьяна (изъ „Евгенія Онѣгина"), 68, 69.
Тверь, 73.
„Tło historiczne w „Panu Tadeuszu", статья I. Третьяка, 80.
Токаревъ, Александръ Андреевичъ, 31, 34, 36, 37, 42, 43.
Толстой, Яковъ Николаевичъ, 20, 22, 24, 25, 27, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 37, 40, 41, 44, 45, 46, 48, 49, 50.
Третьякъ, Іосифъ (Tretiak, Iózef), 79, 80, 81, 82, 85, 86, 87, 90, 91, 92, 93, 95, 97, 98, 99, 101, 102, 104, 106, 107, 108.
Тригорское, с. 70.
Троекуровъ, Кирила Петровичъ (изъ „Дубровскаго"), 70.
Тройницкій, А. Г., 77.
Тройницкій, Николай Григорьевичъ, 78.
Трубецкой, князь Сергѣй Петровичъ, 24, 25, 26, 27, 28, 31, 34, 36, 44.
Тургеневъ, Александръ Ивановичъ, 41, 45, 46, 48, 49, 50.
Тургеневъ, Николай Ивановичъ, 40, 41, 43, 44, 45, 46, 47.

Улыбышевъ, Александръ Дмитріевичъ, 24, 27, 34, 35.
Уляновскій, Юліанъ Семеновичъ, 16.
„Усердствуй Вакху и любви", стих. А. С. Пушкина, 21.
„Ustęp", А. Мицкевича, 94, 95, 96, 97, 102, 108, 109.

Фаминцынъ, Сергѣй Андреевичъ, 16.
Фарисъ, 84.
„Фарисъ", А. Мицкевича, 83.
Фаустъ, 52.
Фидлеръ, Ф., 64.
„Философъ ранній, ты бѣжишь", стих. А. С. Пушкина, 36.
Финляндія, 62.
Фонвизинъ, М. А., 37.
Франкфуртъ на Майнѣ, 62.
Франція, 41, 45.
„La France Chrétienne", журналъ, 45, 47.

Харьковъ, 72.

Царское Село, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 93.
Царскосельскій Лицей, 1, 2, 3, 5, 11, 14, 16, 17, 74.
„Цыганы", А. С. Пушкина, 83.
„Czaty", баллада А. Мицкевича, 97.
„Ci w niskich domkach nikczemni poddani....", стихи А. Мицкевича, 97, 100.

Чайковскій, М. И., 35.
„Чайльдъ - Гарольдъ", Байрона, 83.
Чебоксарскій уѣздъ, 67.
Чебышевъ, Александръ Александровичъ, 34.
Чернышевъ, Василій Ильичъ, 65, 67.

Шейнъ, П. В., 65.
Шенье, Андрей, 82.
Шиллеръ, 82.
Шильдеръ, Н. К., 29.
Шишонко, 66, 67.
Штейнгель, баронъ В. И., 37.

Щеголевъ, Павелъ Елисѣевичъ, 39, 64.
Щениково, 17.
Щербина, Н. Ѳ., 75.
Щербининъ, Михаилъ Андреевичъ, 23, 34.
Щербининъ, Михаилъ Павловичъ, 77, 78.

Эберингъ, Э. (E. Ebering), 35.
„Энгельгардту", стих. А. С. Пушкина, 23.
Энгельгардтъ, баронъ Василій Богдановичъ, 7.
Энгельгардтъ, Василій Васильевичъ, 23, 34.
Энгельгардтъ, Егоръ Антоновичъ, 1, 3, 4, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 16, 17, 18.
Энгельгардтъ, Марія Яковлевна, 11, 17.
Эпиктетъ, 36.

Юрьевъ, Ѳедоръ Филипповичъ, 23, 34.

Яковлевъ, Василій Алексѣевичъ, 76, 77, 78.
Яковлевъ, Михаилъ Лукьяновичъ, 18.
Якубовичъ, Александръ Ивановичъ, 34.
Ярославская губернія, 67.
Яффа, 51.
Яхонтовъ, Петръ Васильевичъ, 2, 17.

Ѳоминъ, 95.

Куйбышевская
№ 475778
Обл. Библиотека